

Максим Михайлов

Единожды предав...

**Место детства -
Южный Ливан**

Максим Михайлов

Место действия – Южный Ливан

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Место действия – Южный Ливан / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2018

Когда война становится профессией, когда понимаешь, что умеешь только убивать и умирать, что другой жизни для тебя нет и не будет череда боев теряет свой смысл. Одна война сменяется другой... И порой ты можешь оказаться на одной стороне с теми, кто совсем недавно стрелял в тебя. И наоборот те, кто делил с тобой один окоп, вдруг становятся смертельными врагами. Место действия - Южный Ливан. Узкая полоса приграничных укреплений, линия давнего противостояния Израиля и Хезболлы. Какие дороги привели в этот край офицеров российского спецназа, как столкнула их изменчивая военная судьба? Вторая Ливанская война. Специальная операция элитных подразделений Хезболлы. Секретный спецназ Израиля. Основано на реальных событиях.

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Е2-Е4. Ход первый	5
Шура Шварцман. Черный	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Максим Михайлов

Место действия – Южный Ливан

Е2-Е4. Ход первый

Беспилотник появился над границей, сверкнув серебром фюзеляжа в последних лучах красного валящегося за горизонт солнца. Точно по графику, так же как вчера, позавчера и неделю назад. Евреи народ пунктуальный и дисциплинированный, по крайней мере, те из них, которых здесь называют сабра – коренные израильтяне, а именно они пока что правят бал на основных командных должностях в армии и у пограничников. Поди, пустили бы к рулю бывших соотечественников из СССР и обновленной России, и беспилотник шлялся бы над линией как бог на душу положит, то-то пришлось бы попрыгать, его маршруты вычисляя, а так, любодорого, только своевременно на часы глянуть, да укрыться специальной хитрой накидочкой с теплоизолятором, чтобы с серебристой точки-самолетика не засекали тепловизором. Хоть и по свою сторону границы, а лишнюю активность в секторе предстоящей операции демонстрировать, никакого резона нет. Нечего без надобности дразнить гусей, мы не гордые и мородой вниз полежать можем, благо не долго. Беспилотник проходит зону за каких-то пару минут, специально засекали, консультировались у специалистов... Вот, пожалуй, и все... Волк не откидывая прикрывающего его маскировочного полога подтянул к лицу левую руку, глянул на покрытые светящимся составом стрелки массивного хронометра, дождался пока секундная отсчитала контрольный круг, после расчетного времени пролета и осторожно поднял голову, осматриваясь.

Беспилотника видно не было, значит ушел себе дальше вдоль линии. Это было хорошим знаком, если бы ведущий самолет оператор углядел поступивший с его борта тревожный сигнал, наверняка, заставил бы "птичку" пройтись еще пару раз над подозрительным местом. А так выходит не засек ничего вредный. То-то же, на технику надейся, а сам не плошай! А то ишь развелось по ту сторону границы любителей легкой жизни – построили забор с сигнализацией, натыкали камер и датчиков, пустили напичканный аппаратурой слежения беспилотник и решили, что теперь можно спать спокойно. Нет, ребяташки, хрен вы угадали, техника она железо и не больше, главное люди. Человек, он всегда похитрее любой железной хреновины будет...

Технику Волк недолюбливал, можно сказать даже испытывал к ней непреходящее отвращение и на этом основании любой агрегат сложнее электрочайника считал врагом рода человеческого. Не любил и людей, которые разбирались в китайской грамоте диодов, микриков, проводков и прочего говна, что в изобилии встречалось в загадочных внутренностях телевизоров, магнитофонов, а в последнее время даже утюгов и пылесосов. Лично его все эти штучки и деталюшки постоянно погружали в уныние, оттого и человека, с удовольствием возящегося с этой хренью и даже порой удачно ее налаживающего, Волк подсознательно относил к разряду людей себе противоположных, то есть пронирыливых, хитрых и по мелочи подловатых. Надо сказать, ошибался при этом редко. Взять хоть вчерашнего спеца. Тоже мне, прислали прыща на ровном месте – технического консультанта. Несуразный маленький человечек с непропорционально большой головой, на котором камуфляжный комбинезон смотрелся как недоразумение, обильно потел и поминутно шмыгал носом. Надо было видеть, как его трясло, когда они еще только подходили к линии. Никакие уговоры не могли успокоить этого технического гения, сколько Волк не объяснял ему, что группа находится на суверенной ливанской территории и бояться здесь абсолютно нечего. А евреи, даже если обнаружат их, все равно ничего не сделают, до тех пор, пока они не полезли через ограждение, или, как вариант, не начали гото-

вить к запуску "катюшу". Нет, никакая логика прикомандированного не брала, техник просто сочился страхом, вонял им, далеко распространяя в удушливом летнем мареве противный кисловатый запах.

Волк всегда узнавал страх по запаху, еще с раннего детства, проведенного в бурлящей войной молодежных банд Казани, он безошибочно мог сказать боится ли стоящий рядом человек. Даже те, кто безупречно держал маску храбреца все равно источали этот режущий ноздри душок, кто сильнее, кто слабее, и Волк еще с тех пор научился отличать истинную смелость от наносной, играемой на публику. Так вот, прибывший из Бинт-Джебейля техник, страхом просто смердел, забывая все остальные запахи, покрытых разнотравьем ливанских холмов вдоль границы. Но дело свое маленький человечек меж тем знал туго, не больше часа ему понадобилось на то, чтобы, обследовав периметр забора выдать свое заключение. Для Волка оно прозвучало китайской грамотой, что-то про кабельные вибрационные системы, расположенные на самом заборе и радиоволновые в земле за ним... Сам черт ногу сломит, опять китайская грамота, а практической ценности, понятно, никакой... Однако Фашист слушал внимательно, иногда со знанием дела кивал головой, вставлял в путанную речь спеца уточняющие вопросы, в конце-концов хлопнул его по плечу и просветлев лицом обернулся к Волку. "Есть контакт, дело будет!" – сказал по-русски. Будто бы Волк сомневался, что дело в любом случае будет! Что до него, он обошелся бы и без этого прыща из технического подразделения, тупо вырезал бы проход в заборе и рванул путая следы в глубь чужой территории, пока пройдет сработка, пока прибудет на место тревожная группа, пусть потом ищут ветра в поле... Но раз командованию наверху хочется провести акцию тихо, что ж, он не против... Опять же, если Фашист согласен с техником и даже вместе с ним прикопал возле забора какой-то хитрый ящичек с электронной начинкой... Генератор наведенного поля, так кажется...

Фашисту Волк доверял, как-никак не одну передрыгу вместе пережили, знали друг друга, как облупленных, уверены были, что товарищ не подведет, не бросит... Редкая эта по нынешним временам уверенность, дорогого она стоит, уж больно сучьи порядки в теперешней жизни подлой. Попробуй, найди человека, на которого в любой ситуации опереться можно... Тяжело это. Но коли уж получилось, значит, повезло тебе по крупной. Беречь такое надо, хранить... Волк и хранил. Хоть Фашист и младше его лет на десять, и школу прошел по жизни совсем другую, не шпанинскую и армейскую, что маячила за плечами у Волка, а уж скорее элитную, предназначенную для золотой московской молодежи, с игрой на скрипке, иностранными языками и бальными танцами, и, казалось бы, не было у них ничего общего и быть не могло. А вот, поди же ты, сошлись, притерлись и уже давно работали в паре, составляя боевую группу Аппарата центральной национальной безопасности Хизбаллы, известную лично его руководителю шейху Халилию и чрезвычайно им ценимую, несмотря на то, что в ядро группы входил неверный, не желавший даже и думать о принятии ислама, хоть и намекали не раз, более чем прозрачно. Неверным был как раз Фашист, сам Волк стал мусульманином давно, не совсем по своей воле, но в силу обстоятельств непреодолимой силы, о которых не любил вспоминать и никогда никому не рассказывал.

Еще двоих членов группы Волк для краткости звал Абдами, а чтобы не путать меж собой: Абд-1 и Абд-2. В выборе личных позывных для двух молодых ливанских парней, пришедших в группу из спецподразделения небезызвестной бригады "Исламбули", вплотную поучаствовал образованный Фашист, чешущий на арабском языке, не хуже, чем на родном. Именно он объяснил Волку, что означают имена Абдрахман и Абдрахим, которые изначально носили бывшие шахиды. До этого момента Волк, даром, что уже несколько лет как правоверный, и не подозревал о существовании девяти прекрасных имен Аллаха, среди которых ар-Рахман – Милостивый и ар-Рахим – Милосердный. А добавленная впереди частица абд, означает, как оказалось, всего лишь раб. То бишь раб Аллаха Милостивого и раб Аллаха Милосердного. Такая вот расшифровка. "Только Аллаха приплести в наши погоняла еще осталось! – возму-

тился в тот раз Волк. – Мало того, что и так черти уже сковородку для нас с тобой подсолнечным маслом поливают, так теперь еще и в мусульманском аду, какие-нибудь ифриты, встрепнуться, еще выдачи потребуют за оскорбление монаршей особы! Нет уж, пусть будут просто абды, раз им так уж хочется, но без лишних уточнений!" Фашист промолчал, лишь по всегдашнему обыкновению растянул в тонкой змеиной улыбке сжатые в нитку губы. С тех пор и пошло: Абд-1, Абд-2, а иногда просто: Первый, Второй. Проявляя свойственное арабам философское долготерпение, сами ливанцы никак своего отношения к новым именам не выказали, приняв их со стоическим равнодушием.

Окончательно убедившись, что беспилотник ушел и возвращаться не думает, Волк тихонько свистнул, оповещая остальных о том, что опасность миновала. Тут же в трех метрах от него шевельнулась запорошенная красноватой пылью земля, вздыбилась, выпуская наверх взъерошенную голову с зеленой повязкой вокруг лба, измазанное камуфляжной краской лицо повернулось к Волку. Фашист заговорщицки подмигнул левым глазом и вопросительно мотнул головой в сторону неба.

– Ушел, – хриплым шепотом выдохнул Волк в ответ на немой вопрос. – Похоже, пронесло...

– Тебя бы так пронесло, – скорчив уморительную рожу, не преминул пошутить Фашист.

Вид его в тот момент был настолько комичен, что Волк не смог удержаться от короткого лающего смешка, тут же поймав на себе удивленные взгляды обоих Абдов, вынырнувших из-под маскировочных накидок рядом. Абды по-русски не рубили абсолютно, потому оценить игру слов естественно не могли, но на всякий случай тоже хихикнули, щеря в ухмылках свои смуглые рожи.

Волк вновь глянул на циферблат часов, солнце уже наполовину скрылось за грядой зеленых холмов на горизонте, до наступления полной темноты оставалось часа полтора не больше. Похоже, пора. Он подтверждающее кивнул вопросительно покосившемуся на него Фашисту. Тот что-то гортанное выдал обоим Абдам, заставив их вновь нырнуть под накидки, потом завозился, вытягивая на свет зеленый ящичек, чем-то напоминающий подрывную машинку. В довершение ассоциации на корпусе имелась ручка запуска, как на полевом телефоне и огромная зеленая кнопка с лампочкой над ней. Волк тяжело вздохнул, наблюдая за этими приготовлениями, действия группы вступали именно в ту фазу, в которой он был напрочь неуверен. Теперь все зависело от того, правильно ли рассчитал привезенный из Бинт-Джебейля спец. Фашист украдкой, чтобы не видели Абды, перекрестился и с силой крутанул ручку, лампочка над кнопкой замигала неуверенным красным огоньком. Еще несколько оборотов и большой палец с тщательно подстриженным ногтем, торчащий из обрезанной кожаной перчатки надавил кнопку. Мигание тут же прекратилось, теперь лампочка горела ровным красным светом.

– Двадцать минут, – коротко произнес Фашист, обернувшись к Волку.

– Ну-ну, – пробурчал тот в ответ, привычно засекая время.

Следующие пятнадцать минут они молча лежали, всматриваясь в протянувшийся вдоль линии трехметровый забор из сетки "рабица" со спиралью "егозы" наверху. Позади этого забора виднелась перепаханная контрольно-следовая полоса. Где-то вдоль нее тянулись два подземных кабеля волновой сигнализации, создающие между собой электромагнитное поле. Когда в окрестностях появлялось тело с диэлектрической, или магнитной проницаемостью, отличной от проницаемости свободного пространства, поле искажалось, искажение детектировалось и проверялось специальным анализатором, и если оно превышало некое пороговое значение, формировался сигнал тревоги. Так объяснял давешний спец, причем, когда он говорил об этом, то настолько увлекался, что даже сочившийся из всех его пор запах страха куда-то пропадал, совершенно растворяясь в воздухе. По его словам, обмануть такую сигнализацию совсем не сложно, слишком чувствительна она к различным изменениям, слишком точной калибровки требует. Зарытый прямо у ограждения им и Фашистом генератор, гарантированно

должен был забить ее электромагнитное поле такими помехами, что оператору сидящему где-то на заставе за пультом покажется, будто на контрольно-следовой полосе как минимум развиться стадо слонов, ну или проводит маневры танковая рота. Перенастроить постоянно вопящую сигнализацию ночью никто не сможет, наверняка, оставят это дело до утра, отключив от греха охранный пульт. Оператор ведь тоже живой человек и вряд ли выдержит несколько часов непрекращающегося тревожного рева прямо в ухо. На этом и строился весь расчет. Преодолеть вибрационную сигнализацию самого забора, для подготовленного диверсанта не составляло труда, тут просто достаточно не касаться его поверхности, избегая лишних вибраций, и все проблемы решены. Непреодолимым охранный рубеж делала исключительно работа обоих типов сигналок в комплексе, отключение хотя бы одной из них сводило на нет весь эффект охраны.

До контрольного прибытия тревожной группы оставалось четыре минуты, Волк махнул рукой Фашисту, показывая, что пора вновь нырять под защитный полог присыпанных сверху землей и дерном накидок. Напарник дисциплинированно исчез, если бы Волк сам не видел в каком точно месте секунду назад торчала его голова, никогда бы не догадался, что совсем рядом с ним присыпанный мелкой ливанской пылью прячется человек. Что-то, а маскироваться на любой местности Фашист умел, хотя никогда не рассказывал, где постиг эту простую науку. Равно как не распространялся и о том, где научился без промаха стрелять из любого стрелкового, сноровисто управляться с ПТУРами, ставить и самостоятельно мастерить фугасы, бесшумной змеей проскальзывать мимо вражеских секретов, путать следы, уходя от погони и прочим подобным навыкам и умениям отнюдь не свойственным единственному и любимому дитяtku из семьи москвичей – профессором искусствоведения. А кем были родители Фашиста, Волк знал совершенно точно, даже как-то был случай, видел семейное фото. Высокий благообразный джентльмен в строгом костюме-тройке казался сошедшим с пожелтевших фотографий начала прошлого века, настолько вид имел представительный и аристократичный, в каждой черточке строгого, чуть надменного лица так и читалась настоящая порода. Не просто порода, а именно ПОРОДА с большой буквы. При одном взгляде на него так и лезли навязчиво в голову пышные обороты давно канувшего в Лету монархического режима, типа "ваше высокоблагородие" и "милостиво повелеть соизволил". При этом, фамильное сходство с Фашистом, несомненно, проглядывало, хотя напарнику явно не хватало, вот этой монументальной уверенности в собственной значимости, светящегося в глазах непререкаемого превосходства над окружающими. А так многие черты были вполне узнаваемы. Женщина, легко опершаяся на руку мужчины, лишь оттеняла его, она просто присутствовала на снимке, как необходимая деталь антуража, и как короля играет свита, так и она только дополняла запечатленного на фото блистательного супруга. Сейчас Волк поймал себя на том, что даже не может припомнить ее лица, в памяти осталось лишь неясное ощущение гибкости легкой худощавой фигуры, что-то вроде тонкого вьюна обвивающего кряжистый ствол векового дуба. Почему-то у него родились именно такие ассоциации.

О родителях Фашист говорил много и охотно. А Волк любил слушать эти истории, погружаясь на досуге в реалии совершенно незнакомого ему, недоступного и прекрасного мира аристократического высшего света, удивляясь и восторгаясь тем, что для рассказчика было понятным и привычным. Но больше всего его поражало то, что получивший блестящее образование Фашист, имевший все возможности для карьеры в мире больших денег и дорогих пиджаков, вдруг по непонятным причинам оказался здесь, среди боевиков "Хизбаллы". Там, куда самого Волка привела попытка спасти свою жизнь ценой чужой и дикое, просто животное желание вырваться из постоянной нужды, всегда шедшей рядом с ним по жизни. Все чего пытался достичь Волк, ползая под пулями израильтян по приграничью, Фашист имел от рождения. Так спрашивается, какого же тогда хрена? Однако на эту тему напарник говорить отказывался наотрез. Еще и это прозвище, оно ведь тоже появилось не просто так, он сам так назвался при

знакомстве. А когда удивленный Волк поинтересовался причиной получения столь одиозного позывного, лишь улыбнулся своей фирменной змеиной улыбкой, не разжимая губ, и сообщил, не вдаваясь в подробности: "А я на самом деле фашист, самый настоящий". Уточнять, чтобы это значило, Волк не стал. Да ему в принципе, тогда и не было до этого дела, он воспринимал знакомство, чисто утилитарно – знаем, как друг к другу обращаться и ладно, сделаем дело и разбежимся, как говорится, бабки получили, а потом жопа к жопе и кто дальше прыгнет. Однако вышло все по-другому, не так, как думалось, и вот уже второй год их дорожки сплетены между собой в тугую косу, такую, что не расплести и не разъединить, не разорвав.

Тяжело вздохнув, Волк накиннул себе на голову защитную накидку, оставив лишь небольшую, в ладонь шириной, щель между ее пологом и землей. Повозившись, извлек притороченный сбоку бинокль, старую артиллерийскую восьмикратку со специальными вставками из прозрачного зеленого пластика на окулярах. Они надежно погасят любой случайный луч заходящего солнца, не давая ему сверкнуть ярким бликом на стеклах. Тревожная группа прибудет не в том настроении, чтобы ее лишний раз дразнить, изображая из себя затаившегося на сопредельной стороне снайпера. Хоть и граница, а пальнуть все равно могут, нервы у всех на взводе. К тому же мирные соглашения по Южному Ливану реально существуют только у дипломатов на бумаге. У тех, кто далек от кондиционированного воздуха кабинетов послов и консулов, но близок к пропыленной, выжженной солнцем ливанской земле, по этому поводу совсем другое мнение, и огражденный забором с сигнализацией периметр здесь мало что меняет.

Тревожная группа подкатила с опозданием в полторы минуты, скрупулезно зафиксированным невидимыми наблюдателями по ту сторону границы. Два "хаммера" настороженно ползли по вьющейся вдоль контрольно-следовой полосы грунтовой дороге, будто приплюсываясь к земле. Шли, не торопясь, давая максимум километров тридцать в час, даже пыль, поднятая колесами, не вилась столбом за машинами, как обычно бывает при езде по пересохшей грунтовке, а степенно клубилась, оседая где-то на уровне покрытых броней крыльев колес. Волк знал, что "хаммеры" Израиль закупает в Штатах, но броню на них навешивает свою собственную, разработанную местными конструкторами. Видно считает, что еврею за еврейской броней воевать комфортнее и безопаснее. Вот только от выстрела из гранатомета она не спасает, точно так же, как штатовская, это ему тоже было известно абсолютно точно. Лично наблюдал, и не раз.

Дистанцию между собой машины выдерживали почти в сотню метров. "Грамотно, – мысленно одобрил невидимых водителей Волк. – Если бы мы махнули через забор, то поставить минную косу на подъездном пути, нам тоже времени хватило бы. Вот только обеспечить такой участок поражения не выйдет даже с помощью тяжелой инженерной техники, не то что вручную. Так что подорвать сразу обе машины, никакой возможности нет. Одна все равно останется неповрежденной и примет бой, по возможности выручая и прикрывая пострадавших товарищей. Умные, жизнь научила...". Он представил себе, как сейчас вертят головами, впиваясь глазами в перепаханную КСП сидящие внутри металлических коробок солдаты, как настороженно всматриваются в тянущийся по правую руку пограничный забор, выискивая пролом, отогнутую проволоку, или следы подкопа. Представил и злорадно ухмыльнулся: "Нет, жидята, на этот раз не все так просто!"

Вообще, в отличие от того же Фашиста, никакой особой ненависти к евреям Волк не испытывал. Даже удивлялся порой, когда наткнулся на очередного оголтелого антисемита. Правда и общаться с представителями этой национальности особо близко ему не доводилось, так, было несколько шапочных знакомств, не произведших на него особого впечатления. Так что может быть, у него просто не было достаточно информации для анализа. Тем не менее, свое мнение по этому поводу наемник имел. Еврейский вопрос представлялся ему грандиозной мистификацией, явно высосанной кем-то из пальца. Ну, возможно, евреи хитрее и изворотливее по жизни, чем большинство обычных сограждан. Ну, может быть, лучше других умеют

пристроиться на тепленькое место и, в силу некоей свойственной отнюдь не только им национальной взаимовыручки, тут же начинают тянуть вверх многочисленных единоверцев. Пусть так... Но обвинять их в некоем всемирном заговоре с целью закабаления и порабощения всего остального человечества, наверняка, явная паранойя... Да и обобщать, огульно заявляя, что любой еврей это продувная бестия, озабоченная лишь тем, как бы нажиться на чужом горе, однозначно не правильно. Иначе кто бы сейчас сидел в ползущих за забором "хаммерх"? Или там сплошь одни ростовщики, да зубные техники? Ага, как же, эти ребята так при случае могут зубки вылечить, что больше никаких проблем с ними не будет, никогда, навечно. Уж он-то не раз почувствовал на своей собственной шкуре, что евреи умеют не только торговать, протезировать зубы и играть на скрипке.

Так что никакой особой разницы между евреями и остальным населением земного шара Волк принципиально не видел. Почему же в таком случае он лежал сейчас под маскировочной накидкой, отслеживая, как тяжело переваливается на неровных колдобинах, проверяя ограждение поднятый по тревоге пограничный патруль? Ответ банален: не мы выбираем, в конечном счете, жизненные дороги, а дороги выбирают нас. Точно с таким же успехом родившийся в провинциальной российской глубинке Волк, мог бы сейчас сам трястись, изнывая от жары в железной коробке "хаммера". Все дело случая, ну и еще, конечно, деньги, куда же без них? И пока "Хизбалла" платит он остается по эту сторону забора, а то, что деньги, которыми с ним рассчитываются, получены от продажи наркотиков, в том числе и в его страну Волка трогало мало. Он вообще считал себя человеком без национальности, веры, семьи, друзей и прочих условностей обычно тяжким бременем ложащихся на человека и мешающих ему идти вперед по пути к жизненному успеху, который в его понимании измерялся все теми же зелеными бумажками с рожами американских президентов. Ведь, как известно, счастье не в деньгах, а в их количестве... Хотя нет, насчет друзей он, пожалуй, погорячился. Друзья у него были, точнее один друг – вжавшийся в землю под маскировочной накидкой Фашист.

Волк и сам не отдавал себе до конца отчета, насколько привязался к этому жилистому, обманчиво тонкокостному парню с умным интеллигентным лицом и несколько нарочитыми, отдающими снобизмом, аристократическими манерами. Они работали в паре уже второй год. А на войне, пусть даже необъявленной вялотекущей это очень большой срок. За это время человек помимо собственной воли полностью раскрывается, обнажая истинную свою суть. Нет, конечно, детали биографии, факты из прошлого, при желании всегда можно скрыть. Но вот это глубинное еще с Раскольникова живущее внутри: "Тварь я дрожащая, или право имею?" Оно прет наружу со страшной силой, и никакими артистическими способностями не скрыть человеку от боевых товарищей внутреннее свое содержание, то, настоящее, что в повседневной жизни мы старательно прячем, запикивая под придуманные маски и образы, боясь показать, выпустить наружу. Та самая суть, что составляет наше истинное естество, открыв которую мы пускаем человека в свой внутренний мир, становясь беззащитными и уязвимыми.

Так что если люди сходятся на войне в пограничных условиях каждодневной борьбы жизни и смерти, то это действительно судьба. Нет в такой дружбе места ни корысти, ни расчету, одно лишь таинственное и непредсказуемое сродство душ, таких разных и непохожих на первый взгляд и, тем не менее, тянущихся друг к другу. Так произошло и у Волка с Фашистом. Вначале вроде работали вместе лишь в рамках одной конкретной операции, а потом как-то незаметно сложился их постоянный тандем, удачный надо сказать, несмотря на явную разницу и в характерах, и в возрасте, и в мотивах побудивших обоих участвовать в этой странной войне... В отличие от Волка, Фашист был бойцом идейным, деньги его интересовали в последнюю очередь. Нет, конечно, никому их дарить он не собирался, но Волка при этом не оставляло ощущение, что перестань сейчас "хизбаллоны" вдруг платить его напарнику, тот все равно никуда отсюда не уедет, а придется, так еще и сам будет приплачивать за возможность безнаказанно стрелять в евреев. Уж очень сильно их Фашист ненавидел. Самих ливанцев, иранских

инструкторов и всех прочих арабов он тоже недолюбливал, относился к ним свысока, презрительно и брезгливо, не стесняясь, порой демонстрировать это в открытую. Недолюбливал, но терпел, до поры, до времени... Терпел, потому что они давали ему возможность бороться с теми, кого он считал корнем всего мирового зла, с евреями...

"Хаммеры" меж тем пропылили мимо, удаляясь в сторону кибуца Зарьит, огни которого уже можно было смутно различить в закатной дымке, чуть дальше в западном направлении. Где-то там же, совсем рядом находилась контрольная точка пограничников номер сто пять, там располагался стационарный наблюдательный пост, и там "хаммеры" должны были по всем расчетам развернуться обратно. Наверняка у них есть специалист с приборами для полевой засечки точного места, вызвавшей срабатывание сигнализации магнитной аномалии, а генератор наведенного поля, врубленный Фашистом, исправно пашет и сейчас. Так что конкретную точку они должны локализовать довольно быстро. Вот только сделать при этом ничего не смогут, даже если сообразят, чем вызвано вдруг возникшее искажение поля, все равно, выходов только два: лезть через границу в поисках генератора, или перенастраивать механизм селекции помех под новые условия. Ни то, ни другое сейчас не реально. На ливанскую территорию погранцы не полезут, не их это дело. Если примут такое решение, то привезут сюда бойцов из какого-нибудь специального подразделения, типа "Эгоза", а может, чем черт не шутит и "Сайерет МАТКАЛ". И дело это отнюдь не одного дня: пока разработают план, пока все согласуют, пока проведут предварительное наблюдение и разведку... Не меньше недели уйдет. А перенастроить аппаратуру тоже не фунт изюму съесть: нужно связываться с вышестоящим штабом, выпрашивать специалистов, оформлять им командировки, везти на местность... В общем что так, что этак – хлопот полон рот. Так что, скорее всего, пограничники не станут возиться с этой проблемой на ночь глядя, отложат до утра, а утром все это не будет иметь уже никакого значения.

Патруль действительно вернулся через пятнадцать минут, на этот раз машины ползли еще медленнее, а когда замыкающая поравнялась с местом закладки генератора, вообще встали. Это было нехорошим признаком, и Волк внутренне напрягся, неосознанно стараясь усилием воли, внушить патрульным, что нечего тут возиться, надо двигаться домой и доложить о неисправности сигнализации начальству. Пусть командиры думают у них жопа-то больше.

Он невольно усмехнулся про себя, вспомнив давний случай еще времен своей службы в рядах родной Краснознаменной. Старый замшелый командир батальона распекал в штабе вызванных туда ротных, особо упирая на то, что из-за плохо подготовившей технику к смотру третьей роты ему, комбату лично, комиссия из Москвы вставила стержень размером от земли до неба, а молодой и зеленый ротный отделался на первый раз легким испугом. Ротный третьей роты Сашка Переведенцев, признанный заводила всех офицерских мероприятий, пьяница и балагур, с выражением глубокой скорби на лице считал бьющихся в плену оконной рамы мух и упорно не проявлял никаких приличествующих случаю признаков раскаяния. А когда отчаявшийся достучаться до лейтенантской совести комбат, наконец, прекратил причитать и заорал ему прямо в лицо, брызгая слюной: "Объясните, товарищ старший лейтенант, почему меня за вас должны постоянно дрючить?!" ответил гениально просто:

– Правильно, у Вас жопа-то больше!

Комбата от такой вопиющей наглости чуть не хватил удар, широко разевая рот, будто выброшенная на песок рыбина, он несколько секунд молча переваривал услышанное, после чего вкрадчивым, но готовым тут же взорваться звериным воплем голосом попросил:

– Повторите, что Вы сейчас сказали, товарищ старший лейтенант, я что-то не расслышал...

Сашка, глядя ему в глаза невинным васильковым взглядом, громко и членораздельно повторил:

– Я сказал, у Вас ЖЕ ОПЫТА больше. Потому они с Вами общались, а не со мной.

Крыть было нечем, комбат в сердцах махнул рукой и выгнал всех из кабинета. Зато уже к вечеру вся часть точно знала, что у начальства жопа всегда больше, чем у простых смертных.

Шутки шутками, но "хаммеры" все продолжали стоять на одном месте будто приклеенные. Похоже, старший патрульной группы напряженно решал, что же теперь делать. "Докладывай уже начальству, и вали отсюда!" – почти взмолился Волк. Ну, в самом деле, что тут такого? Технические проблемы случаются всегда и везде... Мало ли, какие накладки могли их вызвать? В конце концов, ведь вибрационная сигналка, тянущаяся по самому забору не повреждена, так что путь возможным нарушителям все равно закрыт. А в том, что никто не пробрался нелегально на израильскую территорию до их объезда можно быть совершенно уверенным: никаких следов на КСП, никаких повреждений забора... Так ведь? Так чего же вы такие въедливые, на мою голову? Все, успокойтесь и валите домой в теплые коврики, ночь уже на дворе...

Однако уговоры Волка никакого практического эффекта не возымели. Хлопнула, открываясь, задняя дверца "хаммера" и на дорогу спрыгнул нескладный солдат в круглых профессорских очках. Из салона машины ему подали какой-то утыканный рычажками и кнопками ящик, после чего это чудо заковыляло, смешно подволакивая левую ногу к границе контрольно-следовой полосы, прямо напротив того места, где на ливанской территории был зарыт генератор. Волк бесшумно выматерился сквозь зубы, плотнее вжимая в глазницы бинокль. Солдат присел вместе со своим ящиком на обочине и принялся колдовать над ним, шелкая тумблерами и внимательно отслеживая показания то и дело вспыхивающих лампочек и отклоняющихся стрелок. "У, жиды! Наберут яйцеголовых в армию, расхлебывай потом!" – со злостью процедил сквозь зубы Волк. Тщательно продуманный и взвешенный план операции неожиданно начал трещать по швам, а работа на этот раз контролировалась на самом верху. Заказ был не простой, а имеющий весьма важную подоплеку, неприятности на границе должны были произойти именно в указанный день, чтобы отвлечь внимание мирового сообщества от не в меру обострившейся в последнее время критики иранской ядерной программы, а также сорвать какое-то важное совещание в ООН с участием США и Великобритании. По крайней мере именно так в общих чертах обрисовал это все шейх Халиль, при постановке задачи. А точнее Волку и не надо было знать, лишь бы платили, хотя по возбуждению Фашиста, несвоевременному последнему в обычной жизни, он понял, что порученное дело действительно весьма важно для судеб всего остального человечества и будет иметь поистине глобальные последствия. Впрочем, ему все равно было плевать на это с высокой башни, чисто военная часть вопроса, как казалось тогда, особой сложности не представляла, деньги платили немалые, а что там, в смысле глобальных последствий для человечества, так это неинтересно...

Долговязый еврей, наконец, закончил колдовать над своей аппаратурой и с довольным видом потрусил назад к "хаммеру", Волк смотрел ему вслед злым взглядом, раздосадованного хищника, борясь с искушением плюнуть на все и всадить пулю в эту удаляющуюся от него сутулую спину с темным пятном пота вдоль позвоночника. С такого расстояния он однозначно не промахнулся бы. В мозгу промелькнула сладостная картинка: солдат получив прямо между лопаток полутонный удар, мучительно прогибается в спине, всплескивает своими длинными тонкими руками, будто журавль крыльями, в наивной и бессмысленной попытке оторваться от этой грешной земли и ничком валится вниз, прямо под колеса замершего у обочины "хаммера". Он даже зажмурился, представляя себе все это, а когда вновь открыл глаза очкастый уже был надежно укрыт броней машины, только донесся издали звук хлопнувшей двери. А потом "хаммер" фыркнул мотором и тронулся с места, уверенно набирая скорость, больше высматривать здесь патрульным было нечего, причина выхода из строя сигнализации найдена.

Проводив удаляющиеся машины до поворота, Волк с облегчением откинул назад маскировочный полог, выбираясь на поверхность. После утомительного лежания под слоем термоизоляционной ткани, земли и дерна, вечерний воздух с налетающим ласковыми порывами

легким ветерком показался прохладным и необычайно вкусным. Волк с наслаждением поднялся на ноги, покрутил корпусом, несколько раз прогнулся в спине, разминая затекшие, приятно постанывающие мышцы. Рядом из своих укрытий выбирались Фашист и Абды, оправляли обмундирование, снаряжение, дышали полной грудью вечерней прохладой. Лица у всех троих при этом были настолько глупо-счастливыми, что Волк не удержался, рассмеялся в голос. Да так заразительно, что спустя несколько секунд его поддержал Фашист, а за ним подтянулись и Абды. Они искренне смеялись, заходясь до колик в подреберье, сами не понимая отчего хохочут как малые дети, просто ощущая, что им сейчас хорошо и радостно, несмотря на предстоящее уже через несколько часов тяжелое и опасное дело.

– Они тут долго возились с какой-то электронной хренью, похоже, вычислили вашу закладку, – отсмеявшись, наконец "обрадовал" Фашиста Волк.

Тот враз оборвал смех, будто поперхнувшись, на еще хранившем следы веселья лице проглянула явная озабоченность:

– И что теперь? Думаешь, пришлют техников в ночь? Это же чистое самоубийство. А они свои шкуры дорого ценят. Должны сначала подумать о прикрытии. Дежурными силами безопасность не обеспечишь, значит, надо запрашивать помощь у старшего командования. А командование, поди, уже дома на отдыхе, лишний раз беспокоить себе дороже... Нет, наверняка, утра будут дожидаться.

– Все так, – неторопливо, основательно кивнул Волк. – Вот только если бы я отвечал за участок, и на нем произошла такая хрень, я бы на всякий случай организовал неподалеку от места закладки ночную засаду. На своей территории, естественно. Посадил этак с десяток хлопцев с ночниками и поглядел, что тут будет до утра твориться.

– Нет, такой поворот событий нам совсем не в масть, – угрюмо процедил Фашист, подозрительно оглядываясь вокруг, будто уже готов был обнаружить где-нибудь неподалеку крадущихся израильтян. – По-моему ты их переоцениваешь, вряд ли в низовых звеньях командиры могут самостоятельно принимать решения такого уровня, как засада. Тут нужна детальная разработка плана, куча согласований и разрешений. Пока они проведут всю эту бумажную волокиту, пока подготовят людей, пройдет время, будет уже бессмысленно выводить их в ночь. Засада ведь должна прибыть на место заранее, разве нет?

– Так-то оно так, – недовольно буркнул Волк. – Но если бы я, – он подчеркнул голосом это "я" выделив его интонационно. – Если бы я, был на месте их командира, я все равно бы выставил засаду, а всю сопутствующую трехмундию проводил бы задним числом, после того, как парни будут уже на месте.

– Хорошо, хорошо, – примирительно вскинул вверх открытые ладони Фашист, неким интуитивным шестым чувством он безошибочно определил, что сейчас со старшим товарищем лучше не спорить. – Что ты предлагаешь?

Волк сразу же успокоился и заговорил тоже гораздо мягче, словно извиняясь, за то, что пытался давить на напарника:

– Да ничего особенно напряжного... Рвать нитку будем под утро, часов в пять, перед рассветом. А до этого времени предлагаю по очереди дежурить и наблюдать за той стороной. В случае любого шевеления там, операцию переносим. Так будет вернее, сам знаешь, бережного бог бережет...

– Аллах, – не удержался от шпильки Фашист. – Нет бога кроме аллаха и все в руках его, иншалла!

Заслышав знакомые обороты, настороженно переглянулись Абды, Волк лишь напоказ тяжело вздохнул, демонстрируя свое долготерпение. Ему в принципе было все равно, так как в глубине души он сильно сомневался в существовании какой-либо загробной жизни. И даже если допустить ее наличие, ничего хорошего ему там за темной чертой отделяющей мир живых от царства мертвых, не светило. По совокупности деяний, так сказать. Но все равно лишнее

напоминание о его официальном мусульманском вероисповедании ему было как кость в горле. И так он вынужден был соблюдать все эти дурацкие обряды, иначе разные фанатики начинали косо смотреть, благо хоть на период боевых действий это не распространялось. А так реально приходилось: и поститься в рамадан, и вскакивать на молитву перед рассветом, и еще четыре раза за день, и платить закят, ладно еще хоть в Мекку пока не отправили, хотя может, и неплохо было бы прогуляться, в качестве отпуска, как-никак давно уже толком не отдыхал. В отрядах "Хизбаллы" кодекс законов о труде, к сожалению, не действует...

– Ладно, – хлопнул его по плечу Фашист. – Не вздыхай так тяжело, подежурим, все равно я весь на нервах, хрен усну. К тому же еще надо отход подготовить.

Он хитро улыбнулся, на мгновение став похожим на забавного лисенка из мультфильма, и Волк ответил ему открытой дружеской улыбкой.

К ограждению они подошли, когда мутный предрассветный полумрак окутывал окрестности легкой почти невидимой дымкой. Абд-второй возник из нее бесшумно, как призрак, не тратя слов, условным жестом показал, что все в порядке. Он караулил в последнюю смену, и значит, если они ничего не проморгали, то Волк беспокоился зря, засаду для их встречи выставлять никто и не подумал. Шедший первым в короткой цепочке Фашист остановился у самого забора, чутко всматриваясь в раскинувшуюся прямо за ним в каких-то нескольких десятках метров оливковую рощу. Причудливые тени, залегающие между деревьями, загадочно шевелились, казалось, они скрывают за собой целый отряд настороженно следящих за каждым движением незваных гостей бойцов. Но впечатление это было обманчивым, как всегда обманчив предутренний полумрак. Тот самый, когда черную нитку еще нельзя отличить от белой, а потому Аллах не видит, что происходит на земле и можно вкушать пищу и любить женщину даже в священный месяц рамадан. В роще никого не было гарантированно, не зря же они по очереди караулили здесь с самого заката.

Двое ливанцев шахида из отряда джихада подтащили вплотную к забору сложную конструкцию из дюраля, чем-то напоминающую садовую стремянку. Фашист брезгливо оглядел черные комбинезоны смертников, зеленые повязки с вышитыми золотом цитатами из Корана на головах, закаменевшие сосредоточенные лица фанатиков и даже передернулся от едва сдерживаемого отвращения. Он ненавидел этих людей, ненавидел почти так же сильно, как евреев, просто последних он считал более опасными, а значит подлежащими уничтожению в первую очередь. "Погодите, мы еще встретимся и с вами", – мысленно пообещал он, возышавшись со "стремлянкой", смертникам, до хруста зубов сжав челюсти. Ничего, время придет, настанет свой срок для всех и для каждого. А сейчас даже очень удачно, что у нас есть общий враг. Было бы гораздо хуже, если бы вы вдруг смогли договориться с евреями.

"Стремянка" была разложена за рекордное время в десяток секунд, сказывалась предварительная недельная тренировка. Оба шахида уперлись в конструкцию руками, крепко впечатав ступни ног в неровности почвы. Малейшая ошибка на этом этапе могла поставить под угрозу срыва всю операцию, стоит лишь легонько коснуться проволоки забора, и на пульте оператора технических средств охраны участка зажжется тревожный красный огонек, вззоет сирена, срывающая с коек дежурную группу пограничников... И тогда будет уже не до выполнения задания, лишь бы ноги отсюда живым унести... Хотя тут еще вопрос, стоит ли их уносить, за срыв миссии такой важности вполне можно не сносить головы, и благополучно вернувшись в лагерь. Так что, как ни крути, а лучше случайных проколов не допускать.

Первым на дюралевую конструкцию вскарабкался один из Абдов. Постоял секунду, примериваясь к забору, с верхним краем которого теперь оказался почти вровень, а потом одним стремительным рывком метнул вперед свое гибкое, поджарое тело, будто прыгун в высоту, переваливаясь всем корпусом через сложные витки тянущейся поверх забора "егозы". Покошачьи ловко извернулся в воздухе и почти бесшумно опустился на четвереньки по ту сто-

рону, уже на израильской территории, прямо в мягкую пахоту КСП. На минуту все замерли. Абд, припав к земле и стараясь даже не дышать, остальные диверсанты по свою сторону забора, вглядываясь в прицелы оружия, в ожидании криков, стрельбы, команд... Но по ту сторону границы все было тихо, никто не спешил хватать нарушителя, стрелять в него, пускать осветительные ракеты... Тишина, мертвая, давящая, такая обманчивая и вместе с тем спасительная...

Наконец замерший на КСП боевик осторожно пошевелился, видимо, уверившись в удачности переброса и собственной безопасности. Мучительно медленно, будто двигаясь в толще воды, он приподнялся на корточки, выставив перед собой настороженный, готовый при малейшем признаке угрозы тут же изрыгнуть длинную очередь ствол. Волк в этот момент физически ощутил, как перетянутыми струнами звенят его собственные, готовые в любую секунду лопнуть от непосильной нагрузки нервы. Палец замер на спусковом крючке, а по щеке щекотно сползала едкая капля соленого пота. Всего лишь доля секунды нужна была, чтобы смахнуть ее рукой, но он не мог заставить себя оторваться от фосфорицирующей в сумерках зеленой полоской рамки прицела автомата, щупающей густую тень оливковой рощи. Боевик приподнялся на ноги и сделал первый робкий шаг вперед, долго принаравливаясь к вывороченным комьям земли, прежде чем опустить на них обутую в десантный ботинок стопу. Шаг, еще шаг... Постепенно превращаясь в смутную предрассветную тень, растворяясь в полумраке умирающей ночи, Абд скользил все дальше и дальше, направляясь к кромке рощи. Там у первых деревьев он должен залечь и осмотреться и, если все будет в порядке, то тем же путем последует Фашист, потом Волк и второй ливанец.

Боевик уже полностью пропал из вида, растворившись в неверном сумраке. Лишь интуитивно, на самом пороге опущенных человеку чувств Волк улавливал его неторопливое, скользкое движение. Наконец условленный свист оповестил их о том, что переброс прошел успешно, никакой опасности поблизости не обнаружено, и Абд занял позицию в готовности прикрыть своих товарищей огнем. Теперь действовать следовало быстро. Три по-обезьяньи цепких и ловких фигуры одна за другой взлетели над проволочной спиралью ограждения и мягко приземлились на КСП. Конечно, оставленные этими прыжками следы толком не скроешь, но это уже не имело особого значения. Утренний патруль из солдат пятой пехотной бригады, который мог бы обнаружить место перехода, как раз и должен был стать их жертвой, так что скрывать больше нечего и не от кого.

Шахиды, оставшиеся на той стороне, быстро, как на тренировке, свернули "стремянку" и, вскинув на прощание сжатые кулаки, бегом исчезли за ближайшим холмом. Они свое дело сделали и с чистой совестью могли возвращаться. Для обратного перехода группе такие ухищрения и акробатические трюки уже не понадобятся.

Тем временем четверо диверсантов, растянувшись в цепочку с интервалом в десяток метров, споро двинулись в ту сторону, откуда должен был появиться утренний патруль. Следовало протоптать что-то около километра, для того, чтобы не устраивать засаду на участке вчерашней ложной сработки сигнализации, где объездчики могут вести себя более настороженно, чем на привычном рутинном маршруте. Двигались вдоль самой кромки рощи, прячась в отбрасываемых ее деревьями тенях, растворяясь в них, становясь практически невидимыми. Шли молча, сосредоточенно, с момента переброса все шутки и личные симпатии закончились, сейчас они были лишь хорошо запрограммированными автоматами, четко знающими, что им надлежит делать, не подверженными обычным человеческим слабостям и эмоциям. Элитная группа диверсантов "Хизбаллы" выходила к месту засады, и если бы какой-нибудь сторонний наблюдатель мог увидеть их сейчас, он с уверенностью сказал бы, что утреннему патрулю пятой бригады исключительно не повезло, столько решимости и злой целеустремленности было в кошачьей пластике их бесшумного скольжения в тенях.

Мерный рокот моторов они слышали издали, задолго до того, как два патрульных "хаммера" выпрыгнули из-за поворота. Волк привычно отфиксировал время появления противника, без одной минуты девять утра, все так же, как всегда, привычный распорядок патрулирования не нарушен. А это пусть только косвенно, но все же говорило за то, что все идет по плану и переход границы диверсионной группой действительно остался незамечен. Умудренный богатым жизненным опытом, Волк до последнего мгновения не сбрасывал со счетов немалой вероятности того, что давно обнаруживший их противник лишь играет с группой, выбирая удобный момент для удара.

Машины шли совсем не в том порядке, что вчерашние пограничники. Водитель заднего "хаммера" явно веселился, скрашивая рутину патрульного объезда, тем, что пугал своего товарища из головной машины изображая попытки боднуть его внедорожник в кургузую бронированную задницу. В результате оба "хаммера" перли по дороге, как приклеенные друг к другу, на минимальном расстоянии. Волк краем глаза успел заметить скользнувшую по лицу Фашиста хищную гримасу, почувствовал, как подобрался, будто огромная кошка перед броском, напарник.

Действительно, шутовство водителя задней машины значительно упрощало дело. Заложенный на грунтовке фугас должен был при такой дистанции надежно вывести из строя оба патрульных джипа, благо взрывчатки Фашист не пожалел. Вообще, они рассчитывали на подрыв только головного "хаммера", задний предполагалось бить приготовленной Абдом-вторым "мухой", но тут, пожалуй, неверное военное счастье решило им вдруг улыбнуться, да еще как, во все тридцать два зуба. Волк скосил глаза туда, где в зарослях молодой поросли притаился Абд-второй. Ливанец сосредоточенно готовился к бою, зеленый цилиндр "мухи" уже разложен по-боевому и покоился на его плече, выражение лица было скорбным и торжественным, будто во время молитвы, губы беззвучно шевелились, что-то проговаривая про себя. Фашист, более образованный и сведущий в различных восточных тонкостях, чем формальный мусульманин Волк, сразу определил бы, что боевик "Хизбаллы" читает перед боем шахаду, препоручая свою судьбу Аллаху, выражая признание полной покорности его воле и чистоту своих помыслов перед тем, как убить приближающихся неверных, а возможно и погибнуть от их рук самому. Смотря на что, будет воля ал-Джаббар, ал-Муизз, ал-Фаттах Аллаха, Могушественного, Дающего силу, Победителя. Иншалла!

Текут, уходят, будто вода в песок последние секунды перед боем, все шире и шире ползет по щекам зловещая улыбка Фашиста, все быстрее движутся губы Абда-второго, все мрачнее становится разрисованная потеками бурой краски физиономия Абда-первого. Своего лица в эти секунды Волк, само собой, никогда не видел, подозревал, что и его не миновало это коверкающее привычные черты мгновенное помешательство ожидания. Но подозревать и видеть, две разные вещи, так что наверняка знать он не мог, и про себя считал, что это к лучшему... Ни к чему человеку наблюдать за собой в эти невыносимо длинные мгновения, отделяющие жизнь от смерти, вредно для психического здоровья.

Головной "хаммер" уже поравнялся с вроде бы случайно брошенной поперек дороги веткой и, не притормаживая, покати́л дальше. Сухо хрустнуло под мощным резиновым протектором мертвое дерево. Волк осуждающе качнул головой, вспоминая свой собственный рожденный на чеченской войне опыт подобных ситуаций. С его точки зрения водитель внедорожника поступил крайне неосмотрительно. Да если ты видишь на дороге, по которой едешь, или возле нее, хоть что-нибудь похожее на отметку, оставленную минерами для ориентировки, не поленись, нажми на тормоз, еще раз внимательно все осмотри, позови сапера, пусть он проверит. Даже если там ничего нет, все равно, в тысячу раз лучше прослыть трусом и паникером, чем превратиться в исковерканный взрывом фугаса труп. Израильский солдат, сидевший за рулем головного "хаммера", похоже, этой простой истины не знал, а может быть, и вовсе не заметил лежащей поперек дороги ветки, отвлеченный шутовством своего товарища, так и норотившего

боднуть его машину своим бампером. В любом случае, наказание за беспечность последовало незамедлительно.

Едва только головной "хаммер" миновал место закладки, Фашист, зло оскалившись, несколько раз быстро нажал кнопку подрывной машинки. Фугас они заложили проводной. Потратили немало времени и сил, чтобы надежно замаскировать тянущиеся от дороги провода, зато теперь можно было не волноваться о наличии или отсутствии в патрульных машинах генераторов помех типа антивзрыв. Конечно, радиодетонатор штука хорошая, намного упрощающая жизнь диверсанта, но старый добрый проводной способ все же надежнее. Электрический ток помехами не забьешь.

Грохнуло. Несмотря на то, что Волк точно знал, что сейчас будет взрыв, ждал его, все равно ударило так, что его на миг оглушило, вогнав в неконтролируемый ступор. В ушах поплыл колокольный звон. Из дорожного полотна, прямо по центру вырвался густой снопа алого пламени. Дрогнула, ворохнулась беспокойно земля. Головной "хаммер", будто получив мощный пинок под зад, кувыркнулся в воздухе, заваливаясь боком на обочину дороги. Вторая машина, оказавшаяся от места взрыва всего в нескольких метрах, наоборот подскочила на дыбы, словно норовистый конь, вскинув в воздух передние колеса. Вихрем пронеслась, срывая листья и тонкие ветки деревьев, ударная волна.

– Аллах акбар! Аллах акбар! – тонко взвыл справа кто-то из Абдов.

Крик потонул в длинной автоматной очереди. Фашист хладнокровно полосовал покореженные, сочащиеся дымом остатки головной машины, давя на психику, не давая возможно выжившему экипажу предпринять что-либо для собственного спасения. Глухо ухнула "муха", и огненный клубок ткнулся в бок второго "хаммера", все же удержавшегося на дороге и вновь опустившегося на все четыре колеса. Удар гранатометного выстрела заставил машину еще раз подпрыгнуть, разворачивая ее к засаде передом. Волк, тщательно поймав на мушку лобовое стекло, врезал по нему несколькими прицельными очередями по три патрона, пытаясь разглядеть за отблеском встающего над горизонтом солнца, черные силуэты людей внутри. Не разглядел, а может, их там уже и не было. Стекло, даром, что должно быть бронированное и вроде как пуленепробиваемое, покрылось частой сетью трещин и под ударами пуль завалилось внутрь. Сбоку в работу включились автоматы обоих Абдов. Выстрелы били нестройными пачками, сливаясь в сплошной грохот, забывая звенящей глухотой барабанные перепонки, щекоча ноздри кислой пороховой гарью.

Добив магазин, Волк сноровисто пристегнул новый и принялся внимательно изучать результаты обстрела. Один за другим смолкли автоматы других засадников. Огненный шквал, неожиданно обрушившийся на патрульный наряд из оливковой рощи, если не полностью уничтожил израильтян, то, во всяком случае, абсолютно лишил их воли к сопротивлению. Со стороны дымящихся машин по нападающим так и не было сделано ни одного выстрела. Сейчас, когда стрельба полностью прекратилась, стало слышно басовитое гудение пламени, потрескивание вспучивающейся от жара пузырями и лопающейся автомобильной краски и мерный скрип все еще вертящегося по инерции заднего колеса головного "хаммера" задранным высоко вверх. Однако, как Волк ни напрягал слух, он не мог расслышать ни человеческих голосов, ни бряканья амуниции, не видел, занимающих позиции для обороны стрелков. Обе машины казались мертвыми. Довершая впечатление, из водительского окна второго "хаммера", безвольно упав на топорщащиеся остатки выбитого пулями бронеплекса, свисала, царапая скрюченными пальцами дверцу, поросшая черными волосами рука с синевшей на запястье сложной татуировкой.

Волк осторожно приподнялся, готовый при малейшем движении со стороны чадящих машин, вновь броситься ничком на землю. Внимательно всмотрелся в открывающуюся глазам картину. Отметил для себя еще одно неподвижно лежащее тело в тлеющей на спине полевой куртке. Тишина. Ни звуков, ни движения... Ничего...

– Черт, Фаш! Похоже, мы всех их убили! – в голосе неприкрытые досада и разочарование. Всех убивать не планировалось, хотя бы одного надо было взять живым. Халилю требовался заложник. Живой израильский солдат, которого можно было бы показать по телевидению, у которого в Израиле нашлись бы родные и близкие, требующие от правительства новых уступок террористам. То есть такой человек, жизнью которого можно было бы шантажировать ненавистных евреев, так же как это уже было недавно с захваченным два года назад пограничником. Вот только, похоже, не получилось. Даже если в этом чертовом пекле, что они здесь устроили, кто-то и уцелел, он, наверняка, наспигован пулями и не переживет рывка через границу. Толку от заложника, который загнется от ран в пути?

Фашист, опасливо присевший на колени и настороженно сжимающий автомат, взгляделся в сочащиеся черным дымом машины.

– Не может быть, эти суки живучие. Просто наложили в штаны, и бояться обозначиться, трясутся за свои драгоценные шкуры. Только и всего, а ты панику зря разводишь.

– Зря панику говоришь, развожу, – ухмыльнулся уголком рта Волк. – Может, сходишь тогда, проверишь? Заодно работу проконтролируешь, а?

Глаза его опасно сверкнули, зло прищуриваясь, превращаясь в узкие щелки из которых зрачки смотрели острыми змеиными жалами.

– А что? Думаешь слабо? – презрительно скривился Фашист, приподнимаясь с колена и вскидывая к плечу автомат. – Сейчас схожу, приведу тебе этих засранцев.

– Ладно, уймись, ты мне еще живой нужен, – со значительным нажимом глядя напарнику прямо в глаза и не отводя взгляда, произнес Волк. – Пошли кого-нибудь из Абдов, только быстро. Время дорого. Эти, – быстрый кивок в сторону горящих машин. – Вполне могли ехать с включенной на передачу рацией. Так что того и гляди, дожدهшься тревожную группу.

– Тогда пошли все вместе, – тряхнул головой, отбрасывая назад, слетевшую на лоб светло-русую челку Фашист. – Броском вперед, пока не очухались. Эй, воины Аллаха, пора собирать трофеи! Ну, поднимаемся, поднимаемся!

Абды недоуменно поглядывая то на Фашиста, то на мрачно молчащего Волка, встали в рост и, держа оружие наготове, медленно двинулись вперед. Волк весь сжавшись в ожидании, слился воедино с автоматом, ловя прорезью прицела малейшее шевеление впереди. Абды шли не скрываясь, в полный рост и если кто-то из патрульных выжил, то сейчас по ним огненной плетью должна была хлестнуть очередь. Ливанцы тоже знали это, но все-таки шли, шли на верную смерть. Однако израильтяне отчего-то медлили. Подпускают ближе, чтобы наверняка? Не заметили? Или действительно живых не осталось? Мысли вихрем неслись в голове Волка, а сжавшиеся в щелки глаза все скользили вдоль чадающих машин, слева на право, и тут же обратно. Никого, ничего... Тишина...

Фашист, издевательски улыбнувшись и укоризненно прищелкнув языком, поднялся на ноги.

– Пожалел меня, говоришь? На верную смерть не послал? Пошли, дядя Женя, слишком хорошо мы, видать, стреляем, нет там никого.

Волк нехотя поднялся, "дядей Женей" Фашист называл его только когда, по его мнению, напарник допускал какой-нибудь явный ляп с извечной своей любовью к перестраховке. Издевательским "дядей" он как бы подчеркивал их разницу в возрасте, намекая, что некоторым, слишком осторожным, пора уже на покой, так как неверное ремесло наемника в принципе для молодых. Случалось такое не редко, но в свое оправдание, Волк всегда мысленно приводил один и тот же аргумент: "Тем не менее, мы оба до сих пор живы, в отличие от многих других, не так ли?", вслух, однако он эту мысль никогда не озвучивал, опасаясь насмешек острого на язык Фашиста.

Теперь они все четверо были как на ладони, стреляй, не хочу. Но искореженные машины молчали, будто и не было еще минуты назад внутри восьмерых патрульных. Неужели действительно все убиты?

Очередь ударила в тот момент, когда он уже до конца уверился в том, что живых врагов впереди нет. Длинная, бестолково выбившая фонтанчики пыли из-под ног шедших впереди Абдов и усвистевшая в нависшее над машинам небо, безобидно дырявя ни в чем не повинные облака. Похоже, стрелок ранен или серьезно контужен и лишь только сейчас пришел в себя настолько чтобы открыть огонь. Эту мысль Волк додумывал уже в длинном перекате, закончившимся четким кувырком за небольшой холмик, могущий хоть как-то прикрыть от пуль. Тренированное тело опытного диверсанта сработало само, не требуя участия разума. Краем глаза он зацепил сноровисто откатившего под прикрытие зарослей низкорослого кустарника Фашиста. Абды тоже стремительно исчезли из виду, в том, что никого из них незадачливый стрелок даже не зацепил, Волк был абсолютно уверен. Не та выучка у ребят, чтобы вот так вот запросто попасть под шальную очередь. Вскинув автомат, Волк дал несколько коротких очередей, жестяным грохотом пробарабанивших по броне чадящего "хаммера". Как бы там ни было, а охладить слегка пыл невидимого стрелка не помешает. Но остороженько, так, чтобы не дай Бог не убить. Желательно даже не задеть, потому все пули значительно выше того места, где несколько секунд назад заплясала четырехлучевая звезда автоматного пламени.

Фашист тоже отметился, секанул по машинам парой очередей. Изик азартно ответил, чуть ли не половиной магазина. Тут дело понятное, страх перед нападающими, шок после подрыва, возможно боль ран. Он сейчас настолько эмоционально взвинчен, что не способен ни толком целиться, ни контролировать расход отнюдь не бесконечных боеприпасов. Сейчас его огонь практически не опасен. Вот когда начнет расчетливо бить одиночными, тогда берегись, значит полностью пришел в себя и того и гляди завалит кого-нибудь из неловко подставившихся штурмующих. А такого исхода допускать нельзя, слишком мало людей в группе, чтобы класть их, выковыривая из обломков упрямого еврея. Нет, действовать надо сейчас, пока он оглушен и смят, пока не может толком собраться для результативного сопротивления. Вот только подниматься с такой уютной, безопасной позиции за холмиком под автоматный огонь, пусть даже неприцельный, ой как не хотелось. Хотя, кто сказал, что нужно это делать самому?

– Фаши! – не скрываясь, по-русски заорал Волк. – Пошли Абдов вперед с двух сторон. Мы с тобой прикрываем!

Только потом он сообразил, что тот, залегший сейчас где-то среди перевернутых машин, вполне может тоже понимать русский, хватает на той стороне линии бывших соотечественников. Но что уж теперь, что сделано, то сделано, назад не откатаешь. Изик на голос среагировал, не понять уж, знал русский, нет ли, но секанул по кустам, где затаился Фашист, пуская пули веером, срубая зеленые верхушки. Наемник ответил прицельной очередью, заставляя стрелка, залечь, перестать стрелять хоть на минуту. Одновременно он выкрикивал команды на арабском. Абды сноровисто задвигались на получетвереньках, юркими ящерицами обходя с двух сторону обломки машин, беря их в гибельную вилку. Волк примерившись и примерно определив место, где засел стрелок дал две очереди с таким расчетом, чтобы изика хорошенько обсыпало выбитой пулями прямо у него перед носом землей. Вроде сработало, на какой-то момент автомат живучего патрульного замолчал. Воспользовавшись этим Абды, вскочив на ноги, рванулись вперед, уже не скрываясь, в воздух взлетели черные мячики шоковых гранат, западный аналог российской "Зари", специально разработанные для того, чтобы парализовать объект захвата. Волку уже выпадал случай познакомиться с их действием, ощущение такое, что даже самому крутому вояке не стыдно в штаны напустить, если ударит неожиданно. Он еще успел увидеть, как падают навзничь ливанцы, утыкаясь лицами в землю, закрывая ладонями уши, и сам не задумываясь, последовал их примеру. Грохнуло один раз, потом еще, даже сквозь зажмуренные веки, по глазам ударило яркой вспышкой, поплыли в темноте вспышками

радужные круги. Когда Волк, наконец, проморгался, ливанцы были уже возле машин. Стрелять по ним никто не пытался.

Абд-первый замер с автоматом наготове, сдвинувшись чуть в сторону, чтобы товарищ не закрывал ему возможной директрисы стрельбы. Абд-второй мелкими приставными шажками, настороженно вертя бритой наголо головой, двинулся вдоль промятого корпуса машины, вытягивая шею, пытаясь заглянуть на ту сторону груды железного лома, еще несколько минут назад бывшей бронированным джипом. "Грамотно действуют, – отметил про себя, наблюдая за подчиненными Волк. – Не плохо их в учебных лагерях натаскали". Коротким взмахом руки он показал Фашисту на вторую машину, следи мол, а то пока Абды сосредоточились на головной, самое время по закону подлости неожиданно ожить еще кому-нибудь из экипажа оставленной без присмотра тачки. Абд-первый тоже время от времени бросал в ту сторону настороженные взгляды, но этого явно мало, да и не нужно ему сейчас отвлекаться от прикрытия товарища.

Абд-второй уже поравнялся с кабиной головного "хаммера" и резким рывком выметнул свое тело за нее, тыча впереди себя автоматным стволом. И тут же вскрикнул скорее удивленно, чем испуганно, дернулся в бок, приседая и выбрасывая вперед автомат. Но не выстрелил. Что же там такое? Если готовый к бою враг, почему ливанец не стреляет? Или гранаты оказались не просто свето-шумовыми и разнесли незадачливого стрелка в клочья? Додумывал эту мысль Волк уже на бегу, тело среагировало само, раньше, чем мозг успел отдать команду мышцам. Стремительным броском наемник по кратчайшей дуге обогнул обгоревший джип, оттолкнул не столь быстрого и тяжелее соображающего Абда-первого, чтобы не путался под ногами и, разворачиваясь в прыжке, вылетел за покореженный капот. Первым кого он там увидел, оказался израильтянин в зеленой полевой форме. Сердце рухнуло куда-то в желудок. Абд, сука, почему не стрелял! Враг был на расстоянии вытянутой руки, чуть правее, чем нужно, никак не успеть развернуть слишком далеко отведенный во время прыжка влево ствол. На, сволочь! Левая нога, вкладывая в удар инерцию прыжка, врезалась носком армейского ботинка израильтянину под ребра. Тот согнулся судорожно всхрипнув. Ага, не нравится! С боку что-то отчаянно заверещал Абд. Не до тебя сейчас, придурок! За согнувшимся пополам и жадно хватающим широко распяленным ртом воздух изиком, обнаружился второй. Ни хрена себе, нет живых! Да их тут больше, чем достаточно! Ровно на две штуки больше. Вот только второй все же слишком далеко, однозначно не успеть его достать до выстрела. Но что это? Он поднимает руки? Что, сдастся что ли? И этот, перхающий стоя перед ним на коленях, у него же не было оружия. Черт! Что здесь происходит?

Вынырнувший с другой стороны машины Фашист, как всегда непробиваемо спокойный, коротко перебросился с Абдом несколькими арабскими фразами, которых едва знавший язык Волк не понял. После этого идейный боец с сионизмом саркастически улыбнулся напарнику и опустил автомат.

– Ну ты просто герой, дядя Женя. Здорово напугал этих уродов. Они, понимаешь, тут сидели, собираясь по-легкому сдать в плен. А тут ты, как снег на голову: одному по ребрам, другому стволом в морду! Правильно, пусть сразу видят, какие крутые пацаны их взяли.

– Поостри мне еще тут, – беззлобно буркнул в ответ, врубившийся, наконец, в ситуацию Волк и глубоко вздохнул, выпуская откуда-то изнутри пережитый страх, прогоняя противную мышечную дрожь.

Глянул на скорчившихся на земле изиков. Да, только на первый взгляд показалось, что они целые и невредимые, оба явно в ступоре, ох, подействовали гранатки, не зря их с собой прихватили. Лица у солдат белые, ни кровинки, губы прыгают, глаза пустые, бессмысленные, зрачки во всю радужку, как у наркотов под дозой. Видать не слабо по кумполу врезало, ну один в один глушенная динамитом рыба, едва-едва плавниками ворочает, не поймет, что с ней произошло. Тот, что сидел дальше, неловко завалился на бок. Показалась неумело накрученная на плечо марлевая повязка. Бинты уже пропитались темной венозной кровью. Заско-

рузные тряпки, даже намотанные в несколько слоев, не в силах были справиться с обильным кровотечением. Так вот чего так долго медлил с огнем наш снайпер! Перевязывал раненого друга. Что ж, похвально, похвально... Вот только насколько это поможет? Как-никак впереди еще многокилометровый пеший бросок к месту, где ожидает транспорт. Ладно, посмотрим по ходу. Это была удача. Целых два заложника, причем один почти неповрежденный, разве что немного контужен, но это пройдет... Удача!

– Фаш, расспроси их! Первый, проверь другую машину! Второй, бегом до поворота, смотреть и слушать, если что маякнешь!

Повинуясь красноречивым жестам командира, Абды бросились исполнять отданные приказы, даже раньше, чем Фашист перевел им смысл непонятной речи. Ну не давался Волку арабский, не мог его привыкший к выразительному и краткому русскому мату язык выводить все эти рулады. Понимать он еще с пятого на десятое понимал, а вот говорить мог лишь в рамках простейших бытовых нужд. Благо дело имелся Фашист, игравший роль бессменного переводчика.

От второй машины ощутимо несло гарью и тошнотворным душком горелого мяса, Абд-первый аккуратно присев рядом заглянул в салон. Бегло осмотрев внутренности машины, он для верности потыкал туда автоматным стволом. Потом обернувшись к Волку, вскинул вверх ладонь с растопыренными в стороны пальцами. "Четверо внутри", – понял наемник. Правильно, так и должно быть, они всегда в "хаммерах" по четверо ездили, так что все на месте, никто не потерялся, и, судя по всему, все холодные. Он усмехнулся, привычное обозначение мертвеца – "холодный", как-то не вязалось с обгоревшими трупами в салоне, эти скорее были горячими. Смотреть там явно было больше нечего, но Абд почему-то не спешил уходить, мялся, вглядываясь внутрь салона, затем несколькими сильными рывками освободил заклинившую дверь, распахнув ее. Из раскрытой двери на землю тяжелым кулем, вывалился изик в перемазанной запекшейся кровью, обгоревшей полевой форме. Вновь налетевший ветерок донес до ноздрей Волка выворачивающий на изнанку запах паленой кожи, он хотел уже обругать Абда за излишнее рвение в осмотре явной мертвечины, как изик, ударившись спиной о подножку, тихо застонал. Оказывается, жизнь еще теплилась в этом обожженном, окровавленном существе, лишь весьма отдаленно напоминавшем сейчас человека. Абд торжествующе вскрикнул и вопросительно покосился на Волка, делая характерный жест, ребром ладони по горлу.

– Оставь его, – равнодушно махнул рукой Волк. – Сам сдохнет, никуда не денется, нечего возиться.

Ливанец склонил голову на бок, вслушиваясь в звучание чужой непонятной ему речи, внимательно впился глазами в лицо наемника, пытаясь прочесть по нему смысл сказанного.

– Вот чурка нерусская! – горестно вздохнул Волк, делая рукой энергичный призывный жест. – Сюда иди, обезьяна! Брось этого бедолагу, горе ты мое луковое!

На жест Абд отреагировал сразу, с сожалением бросив взгляд, на безвольно распростершееся возле "хаммера" тело израильского солдата, он обошел его стороной и двинулся к Волку. Все же не удержался и, проходя мимо, пнул раненого в висок. Голова изика безвольно мотнулась из стороны в сторону, но на этот раз даже легкого стоны они не услышали, возможно, солдат был уже мертв.

Фашист меж тем, опустившись на корточки рядом с сидящим на земле стрелком, внимательно слушал его рассказ, изредка задавая короткие уточняющие вопросы. Если солдат на секунду замолкал, чтобы перевести дух, он просто поднимал на него свой неподвижный равнодушный взгляд, и тот вновь начинал говорить, заикаясь и периодически судорожно сглатывая обильно выделяющуюся слюну. Была у Фашиста такая особенность, когда он вел полевой допрос, практически всегда обходилось без мер физического воздействия. Достаточно было ему внимательно посмотреть в глаза человека, и тот тут же начинал рассказывать все, что инте-

ресовало наемника, вспоминая даже такие подробности о которых и сам давно думать забыл. Что уж там таилось такое в его взгляде, даже сам Фашист толком объяснить не мог. Регулярно пристававшему к нему с расспросами Волку, он, как-то будучи сильно подшофе рассказал, что в такие моменты, просто как можно ярче представляет себе, что сделает с сидящим напротив человеком, если не получит от него нужной информации. А потом видимо срабатывает какой-то неизвестный телепатический канал и пленник, напрямую получая в мозг картинки страшных пыток, безоговорочно верит в то, что с ним именно так и поступят, попробуй он что-нибудь утаить. Впечатленный Волк при первом же удобном случае попытался воспользоваться этим методом, но здоровенный друг из бригады Голани рассмеялся ему в лицо, и надо было видеть, как побледнел и съежился этот смельчак, едва рядом появился, интеллигентный и с виду совсем не страшный Фашист. Видно телепатия, это особый дар, доступный вовсе не каждому, а может, обманул напарник, ляпнул первое, что пришло в голову, лишь бы от него отстали с расспросами.

– Ну что тут? – Волк вклинился в задушевную беседу, украдкой показывая напарнику на часы, не увлекайся, мол, время дорого.

– Не здорово все, – пожал плечами Фашист. – Рация у них была постоянно на передаче, так что весь наш фейерверк на базе слышали. Тревожная группа будет здесь в течение получаса. Потом будет введен план "Ганнибал", специально разработанный для пресечения захвата солдат. Предусматривается нанесение совместных артиллерийских и авиационных ударов по опорным пунктам "Хизбаллы" вдоль границы и организация преследования силами пограничной бронегруппы. Это танк и два бронетранспортера. Короче, надо очень быстро уносить отсюда ноги и вызывать "Самум" пусть дает ливень, иначе не уйдем.

– Ливень, Вова, это очень серьезно. Скорее всего, это очередная война... – задумчиво протянул Волк. – Они уже не смогут остановиться, если начнут...

Фашист в ответ лишь равнодушно пожал плечами, война, так война, что ж теперь, кровью блевать что ли...

– Ты старший, тебе виднее, – он демонстративно покрутил перед лицом Волка девичьи тонким запястьем, показывая мерно отсчитывающую мгновения секундную стрелку на массивных командирских часах. – До прибытия тревожной группы двадцать минут, для нас это пять километров отрыва при самом хорошем раскладе. Учти еще, что вот эту дохлятину, похоже, придется тащить на себе. – Фашист легонько пнул носком ботинка тихо постанывающего раненого, и, поймав гневный взгляд второго изика, послал ему воздушный поцелуй. – Без "ливня" они нас достанут в течение часа. Это как максимум, вполне возможно, что и раньше... Решай...

Несколько секунд Волк, как зачарованный следил за ползущей по кругу стрелкой, потом, тяжело вздохнув, кивнул.

– Хорошо, вызывай, – голос наемника звучал тихо, едва слышно, будто он выталкивал слова через силу, с трудом заставляя себя, их произносить.

Фашист, ободряюще подмигнул ему и потянул из кармана разгрузки дальнобойную рацию. Передать просьбу о начале "ливня" мог только он, познаний Волка в арабском языке на это не хватило бы. Фашист понимал, как непросто далось напарнику столь ответственное решение, и всем своим видом пытался показать сейчас, что поддерживает его на все сто, считает его поступок правильным и единственно возможным в данных обстоятельствах. Однако Волк уже отвернулся от него и, выплескивая бурлящую в душе неуверенность и страх, заорал на молча застывших в ожидании команд Абдов:

– Что замерли, дети шайтана?! Поднимайте эту пададь! Хотите дождаться пока вся пятая бригада и пограничный спецназ в придачу вцепятся нам в задницу?! Ну, шнель, пидоры! Шевелитесь, ублюдки!

Ориентируясь больше на красноречивые жесты и интонации, чем на понимание содержания отданного на дикой смеси отдельных арабских слов и русского мата приказа, Абды под-

скачили к изикам, энергичными тычками под ребра и вовсе не деликатным рывком за шиворот вздернули на ноги почти целого, ткнули пальцем в раненого. Солдат попытался поднять потерявшего сознание товарища на руки, но закружившаяся после контузии голова и подкопившиеся в коленях ноги помешали ему это сделать. В результате оба вновь рухнули на землю. Волк рыкнул что-то матерное в сторону Абдов, заставив их склониться над раненым. Экономно вылитая из фляги в лицо солдату струйка воды привела его в чувство. А несколько резких хлопков по щекам заставили со стоном принять сидячее положение. Абд-первый толкнул к нему второго солдата и с его помощью раненый смог подняться на ноги, покачиваясь, сделал несколько неверных шагов. Волк, все еще сохраняя по инерции на лице свирепую гримасу, развернулся к Фашисту:

– Ну что там?

– Ничего, не мешай пока! – ничуть не испугался грозного вида командира группы младший наемник и, отвернувшись, вновь забормотал в гарнитуру рации: – "Самум", "Самум", это "Голубь", ответьте... "Самум", "Самум"...

– "Самум" ответил, слышу тебя "Голубь".

Голос, искаженный треском помех едва хрипел, пробиваясь через холодный эфир, но Фашист рад был и этому. Он мысленно представил себе горбоносого и смуглолицего радиста, напряженно вслушивающегося в слабый голос далекого "Голубя" еле звучащий в наушниках и, стараясь говорить как можно четче и членораздельнее, произнес:

– "Самум", это "Голубь". Посылка получена, начинаю доставку. Нужен сильный ливень вдоль всей линии, иначе могу не дойти. Повторяю, посылка получена, для доставки нужен ливень. Очень сильный ливень.

– "Голубь", это "Самум", – в еле слышном, забитом помехами голосе радиста командного пункта так и сквозит радостное возбуждение, он буквально захлебывается, торопясь, комкает слова, проглатывает их окончания. – Вас понял, ливень будет. Самый сильный ливень! Удачи! Возвращайтесь живыми!

– Спасибо, "Самум", конец связи.

– До встречи, "Голубь", конец связи.

Оглянувшись на нетерпеливо переминающегося на месте Волка, Фашист подтверждающе кивнул головой и принялся не спеша запихивать рацию обратно в карман разгрузки. Волк, не дожидаясь его, махнул рукой Абдам, все, хватит стоять, двинулись. Абд-первый коротким рывком за ворот куртки потянул за собой раненого изика, второй, подхватил его под здоровое плечо, вроде двинулись, даже достаточно ходко получилось. Абд-первый шагнул вперед, задавая направление и темп движения, оба пленника, понукаемые Абдом-вторым, тронулись вслед за ним. Сам Абд-второй, пристроился замыкающим короткой цепочки, перетянув автомат на грудь и постепенно переходя с размеренной экономной трусцы на все более быстрый бег. Волк знал, что оба Абда могут вот так вот бежать часами, не останавливаясь, будто заводные игрушки, до тех пор, пока не разожметя окончательно, закрученная ключом пружина, пока совсем не оставят силы. Вот только поможет ли это умение сейчас, когда соревноваться в скорости и выносливости им придется с бронетехникой тревожной группы. Что линия условной границы ничуть не смутит израильтян, он даже не сомневался. Тут надо отдать евреям должное, за своими пленными, убитыми или ранеными, эти парни ползут даже к чертям в адское пекло, не то, что на сопредельную территорию. Так что надо спешить, скорее добраться до ожидающих в условленном месте машин, может это хоть как-то уравнивает шансы. Пленные изики выглядели более-менее молодыми и спортивными на вид, так что, глядишь, и смогут поддерживать заданный Абдами темп, несмотря на контузию и ранение. В себе и Фашисте он, понятно, не сомневался, не такое приходилось выдерживать. Пятикилометровый марш-бросок в полной выкладке оба воспринимали не более чем легкую разминку. Тревожило другое, теснилось камнем в груди, давило на сердце, принятое единолично решение о запросе "ливня". Этим

кодовым словом обозначался массированный обстрел из минометов и "катюш" всей передовой линии израильских позиций в секторе: их казарм, укрепленных пунктов, военных городков, а до кучи и гражданских кибуцев и маленьких городов расположенных в зоне досягаемости ракет. "Катюшами" здесь по привычке называли любые реактивные системы залпового огня, так что не стоит обольщаться, вспоминая некогда грозное, но давно устаревшее оружие Второй мировой. Иные из так называемых "катюш" вполне могли по своим техническим характеристикам представлять угрозу даже для тех городов и поселений северного Израиля, что находились в двадцати-тридцати километрах от границы. А ведь кроме подразделения Насер, на вооружении которого состоят "катюши" имеются еще и подразделения имама Рада и 1400, оснащенные тяжелыми ракетами "Фаджар" и "Зильзаль", эти вполне долетят при необходимости до самой Хайфы. Маловероятно, конечно, что их задействуют в запрошенном "ливне", ну да лиха беда начало. Израильтяне, само собой, в долгу не останутся, можно не сомневаться, что в ответ на огневой налет, незамедлительно последуют массированные ракетно-артиллерийские и бомбо-штурмовые удары, по всем известным позициям и укрепрайонам боевиков "Партии Аллаха", вполне возможно даже что не только по приграничным. Реакцией будут обстрелы Хайфы и Кирьят-Шмоны, так и пойдет потом по нарастающей, а остановить раз запустившуюся военную машину, обычно бывает ох как нелегко!

С другой стороны у группы сейчас не было реально другого выхода. Если не отвлечь внимания приграничных частей израильской армии, то шансы уйти в глубь ливанской территории у них более чем призрачные. Так почему он, Волк, должен больше переживать о каких-то совершенно незнакомых ему людях по обе стороны границы, тех, что уже несколько десятков лет не могут поделить узкую полоску земли вдоль морского побережья, с тупым упорством баранов убивающих друг друга в постоянных войнах? Тем более на чашу весов поставлены его собственная жизнь и жизни доверившихся ему бойцов. Эти четыре жизни субъективно много дороже для него, чем сотни и даже тысячи других, к тому же за одну из них и так уже очень дорого заплачено. Он грустно улыбнулся про себя, когда в голову пришла эта мысль, вспоминая, какой ценой пришлось выкупать свою шкуру в далекой отсюда Чечне. На самом деле он и не забывал этого никогда, просто пережитое хранилось где-то глубоко внутри на недоступном повседневно слое памяти, а сейчас вдруг вновь встало перед глазами растерянное и беспомощно улыбающееся лицо веснушчатого паренька-первогодка, принявшего смерть, чтоб он жил. Того, чьей жизнью Волк выкупил свою. Выходит теперь его жизнь стала вдвое дороже... Видишь, ты не только за себя сейчас живешь на этом свете, за него тоже, так что и жизнь твоя дорогого стоит. Нечего ей за зря разбрасываться! Он тряхнул головой, прогоняя настойчивое виденье, выползшее непрошенным из заповедных тайников подсознания, несколько раз размеренно глубоко вздохнул, пытаясь вернуть себе спокойное и ровное расположение духа. Вроде бы сработало, широко распахнутые глаза молоденького солдата, глядящие поверх ствола пистолета в самую душу, потускнели, поблекли, возвращаясь обратно, туда, где им и место, в самый дальний темный чулан, какой только существует в мозгу. В то место, где люди привычно хранят, оставленные за спиной скелеты. Все, хватит, не до того сейчас, некогда рефлексировать и заниматься самокопанием. Вперед, вперед! Вдох-выдох, раз-два! Вдох-выдох!

Но все равно, когда он мысленно представлял себе, как именно сейчас, в эту самую секунду, пока его ноги в тяжелых ботинках раз за разом впечатываются в сухую пыль, по эфиру летит во все концы приграничья слово "ливень", такое простое и безобидное, но несущее за собой огонь, взрывы, смерть и страдания, ему становилось не по себе. Непрошенные холодные мурашки стайкой бежали вдоль позвоночника, мерзко щекоча вспотевшую спину. "Ливень!" И минометные расчеты вскрывают тяжелые зеленые ящики, извлекая из них маслянисто поблескивающие на солнце округлые тела мин. "Ливень!" И бегут к ракетным установкам наводчики и операторы, шепча на ходу слова шахады, понимая, что их местоположение засекут после первого же залпа, и уже через считанные секунды сюда обрушится ответный огонь, мстящий

за смерть и боль, выжигающий все до основания. "Ливень!" Мир застыл на секунду в одном шаге от пропасти, медленно склоняясь в зовущую черную бездну. "Ливень!"

Хоть и ждал этого, а далекий грохот канонады докатился приглушенным гулом все же внезапно. Ну все, теперь обратного хода нет, началось! Судя по мерному глухому уханью, доносившемуся откуда-то справа, там заработала минометная батарея. Фашист на секунду приостановился, вглядываясь в ту сторону и криво ухмыльнувшись, показал Волку большой палец: "Есть! Заработало!" Волк лишь хмуро кивнул напарнику на бегу, восторга младшего товарища он вовсе не разделял. С неба понесся нарастающий гул, разорвавший воздух над головами громкими хлопками.

– Пошли родимые! – радостно заорал Фашист, задирая голову вверх, пытаясь увидеть летящие прямо над ними ракеты. – С праздником, жида! Принимай подарки! Хава нагила! Хава нагила! Хава нагила! Хава!

– Дыхалку береги! Чего орешь, как резанный! – одернул его Волк, и, напрягая горло, прокричал так, чтобы услышал задающий темп Абд-первый. – Шевели там поршнями, сын арабского народа! Заснул на ходу, что ли?!

Абд обернувшись и поймав грозный командирский взгляд, понятиливо кивнул и прибавил, да так, что уже через минуту Волку стало не до разговоров. Даже более молодой, находящийся в гораздо лучшей физической форме Фашист и тот вынужден был заткнуться и размеренно пыхтел, пристраивая вдохи и выдохи под ритм монотонно долбивших пыль ботинок. Волк тяжело всхрипывал, держась за спиной Абда-второго, стараясь попадать в ногу его шагам, вытягивать его темп. Получалось из рук вон плохо, все же не мальчик, уже сороковник корячится. В такие годы положено сидеть в уютном кожаном кресле, иметь непыльную руководящую должность, личный кабинет, служебный автомобиль и длинноногую секретаршу (знание делопроизводства и умение работать на компьютере не обязательно), а не носиться сломя голову по поросшим выгоревшей на солнце травой холмам чужой страны. Возраст, господа, возраст... И если он запросто мог посоревноваться с любым молодым в умении стрелять, ставить и снимать мины, мог даже без проблем выйти на ринг, то вот такой вот изматывающий бег на выносливость, выдерживать становилось раз от разу все тяжелее. Сердце непрошено забухало где-то у самого горла, в правом боку заворочалась острая игла, а ноги с каждым шагом наливались свинцовой тяжестью. Со взмокшего от натуги лба неприятно пощипывая глаза стекали тонкие струйки пота, очень хотелось вытереть их рукавом, но сделать лишнее движение рукой, сейчас означало сломать вроде бы пойманный ритм, выскочить из-под его гипнотического действия, которое только и позволяет держать заданный Абдом-первым темп. Этого он себе позволить не мог, точно зная, что стоит на секунду остановиться сейчас, и он уже не сможет бежать тем же темпом, что остальные. Интересно, как там изики?

Чуть приподняв голову, он с любопытством заглянул за маячившее перед лицом плечо Абда-второго. Оказалось, волновался не зря: раненый уже переставлял ноги лишь по инерции, влекомый мощной рукой ливанца. Второй солдат что-то возмущенно лопотал по-своему, похоже требовал не мучить раненого товарища. Ага, родной, если не будем мучить придется твоего дружка пристрелить, хотя бы чтоб погоню на наш след не навел. Так о чем же ты там просишь? О смерти для друга? Но так действительно не пойдет, вон у пацана глаза уже закатились, и лицо как мел белое, вот-вот свалится, тогда точно придется пристрелить. Жалко, за двоих и заплатят вдвое. Осталось то, совсем чуть-чуть... Нет, не дотянет... Точно не дотянет...

Будто подслушав мысли Волка и восприняв их как команду, раненый изик запнулся и тяжело рухнул навзничь, издав протяжный стон. Разгоряченный Абд-второй подскочив к нему несколько раз с размаху приложился по упавшему ботинком. Не помогло, раненый завозился, пытаясь подняться, но бессильно упал на выставленные вперед руки. Ливанец замахнулся еще раз, но Волк дернул его за плечо.

– Отставить! Отставить, я сказал, обезьяна! Этим делу не поможешь, он все равно больше не сможет бежать.

Подошедший Фашист, ухмыльнувшись, потянул из набедренной кобуры пистолет.

– Да подожди ты! – неприязненно скривился Волк.

– Чего ждать? – напарник удивленно пожал плечами. – На войне, как на войне. Загнанных лошадей пристреливают...

Волка в который раз уже резанула неприкрытая жестокость Фашиста, его готовность убивать, причем убивать легко, направо и налево, без малейших колебаний и угрызений совести. На язык просилось что-то резкое, жесткое, но почему-то он устыдился своего минутного порыва и прямо сказать, что ему претит хладнокровное убийство беспомощного безоружного человека, пусть даже врага, посчитал для себя стыдным и неправильным. Однако он вовремя вспомнил другой подходящий аргумент:

– Куда спешишь? Это же деньги! Живые деньги! Понимаешь? Время у нас пока еще есть, пристрелить всегда успеем. Сейчас сообразим носилки и понесем.

Фашист скептически скривился:

– Пойдем вдвое медленнее, рискуешь, командир... Всех денег все равно не заработать. Шкура иногда дороже, чем доллары, даже наличными.

Волк зыркнул на него исподлобья, и напарник тут же примирительно развел руки в стороны:

– Ладно-ладно, я помню, что ты главный... делай, как хочешь, я молчу...

Носилки соорудили быстро, использовав для этого связанные между собой полиуретановые коврики, моток веревки, притороченный к разгрузке Абда-первого и две тут же срубленные жердины. Вновь потерявшего сознание, мечущегося в горячке раненого осторожно уложили на них, стараясь не тревожить вновь засочившееся нехорошей темной кровью плечо. Абд-второй и пленный изик взяли за импровизированные рукояти носилок первыми, вроде ничего, даже бежать с грузом вполне получалось. Двинулись. Вновь гулко затопали, давя изумрудную траву тяжелые ботинки, постепенно набирая скорость, входя в прежний ритм.

Краем глаза Волк зацепил мерно раскачивающуюся сзади и чуть правее фигуру напарника. Фашист бежал легко и свободно, казалось, не шагает по земле, а парит над ней, не касаясь поверхности. Бежал чуть ближе, чем надо, и не прямо за спиной Волка, а чуть сбоку. Так бегут, равняясь на слабейшего, замыкающие разведгрупп, чтобы в любой момент успеть поддержать, подхватить, а то и пнуть готового свалиться "мешка". Когда-то так бегал сам Волк, внимательно следя за расходуящим последние силы бойцом, тщательно просчитывая, сколько тот еще вытянет, когда придет настоящий край и потребуются помощь замыкающего. Теперь роль "мешка" отвели ему самому, дожился, блин! Обида подхлестнула, заставила живее перебирать ногами, он почти догнал задававшего темп Абда-первого. Вот мол, знай наших! Скосил победно взгляд на Фашиста и прочел в его глазах явный скепсис, так смотрят взрослые, на упрямого и своенравного ребенка, упорно пытающегося что-то им доказать. "Не пыжился бы ты, дядя Женя! – казалось, говорили глаза напарника. – Нечего тут лихость молодую демонстрировать. А то, как бы тебя после таких демонстраций еще и тебя на себе тащить не пришлось!" Волк, задыхаясь от обиды, до хруста сжал челюсти, вроде и не сказал ему ничего младший товарищ, а ощущение такое, будто по щекам отхлестали. Про себя он решил, что лучше сдохнет, чем хоть раз собьет темп общего движения группы.

К участку забора, где вчера проводили переброс, они выскочили, когда Волк уже готов был упасть. Он еще держался только на одном самолюбии, а ведь пробежали всего ничего, километра полтора не больше. Другое дело, что темп, взятый Абдами, для иного "спортсмена" был бы хорош и на стометровке. Так что к проволочной сетке забора Волк подбежал уже на одном характере, ни сил, ни дыхания к тому времени не осталось. У забора ливанцы дисциплинированно остановились, уложили носилки с так и не пришедшим в себя раненым, пригнули к

земле второго пленника. Абд-первый присел рядом, настороженно оглядываясь по сторонам, а Абд-второй скорой трусцой припустил назад, по своим же следам и залег метрах в пятидесяти от группы, там, где дорога, выходящая вдоль контрольно-следовой полосы делала поворот. Вытянув из брезентового чехла полевой бинокль, ливанец принялся внимательно наблюдать за убегающей к горизонту накатанной колеей. Если погоня придет, то только оттуда, и пока Абд не ушел с выбранной позиции, израильтянам ни за что не удастся внезапно подобраться к группе. Волк, тяжело дыша, опустился на землю, жадно хватал широко распряленным ртом летевший над холмами горячий ветер. По идее, сейчас он должен был руководить действиями группы, но, давно зная своих людей, Волк считал, что вмешиваться в отрететированный и отлаженный процесс лишний раз не стоит. Ни к чему создавать лишнюю неразбериху. К тому же сил на это уже элементарно не было. Необходима передышка, пусть самая короткая, пусть всего несколько минут... Но эти минуты следовало провести в максимальном расслаблении, давая отдых натруженным мышцам, позволяя судорожно сокращающимся легким насытить их кислородом. Иначе следующую часть пути ему просто не выдержать.

Передышка, однако, действительно оказалась короткой. Сейчас в скрытности уже никакой нужды не было, так что Абд-первый и Фашист просто прокусили в проволочном заборе проход ножницами по металлу, отогнув края сетки по сторонам. На все, про все, две минуты не больше. Волк уже с натужным стоном начал подниматься на ноги, шепотом проклиная отличное качество режущих проволоку, как масло кусачек, но тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Неожиданно заартачился пленный изик – уселся с упрямым видом на землю, заявляя, что никуда больше не пойдет. Волк, в глубине души был ему даже благодарен за эту небольшую задержку, что позволяла продышаться, успокаивая, легкие, готовые выломать ребра, выравнивая стук выпрыгивающего из груди сердца. А в том, что Фашист и Абд мигом справятся с возникшим затруднением, он вовсе даже не сомневался. Потому и вмешиваться не спешил, лишь наблюдал внимательно за происходящим. Разглядывал упрямо сжатые в тонкую нитку губы изика, поражаясь слегка его наивности. На что он рассчитывает, дурачок? Пытается потянуть время? Зря... Фашист заставит его бежать с максимальной скоростью за минуту, не больше. И не таких обламывал, даром, что внешность имеет больше подходящую яйцеголовому аспиранту университета, чем профессиональному диверсу и солдату удачи.

Если израильский солдат, проявляя непокорность, и рассчитывал на международные конвенции по гуманному обращению с пленными, то он сильно ошибался. Присевший рядом с ним на корточки Фашист даже не пытался его пугать, или уговаривать. С непроницаемым, будто закаменевшим лицом младший наемник ловко поймал его указательный палец в железный захват кусачек.

– Вставай!

Изик лишь отрицательно мотнул головой, не желая тратить на похитителя слова, и гордо вскинул подбородок. Фашист пожал плечами, как знаешь, мол. Ни малейших колебаний, никаких чувств не отразилось в его ставших вдруг льдисто прозрачными глазах. Волк уже видел у напарника такой пустой взгляд и ничуть не сомневался в том, что сейчас произойдет. А вот пленник, похоже, не верил, что такое может с ним случиться, иначе не стал бы проверять Фашиста на прочность. Целее был бы. Сухо щелкнули кусачки, звучно стукнули друг об друга металлические поверхности, легко отхватив зажатый между ними кусочек плоти, одним махом перекусив тонкую кость. Две фаланги указательного пальца пленника упали на землю. Секунду тот смотрел в немом удивлении на торчащую из начинающего сочиться кровью мяса сахарно-белую с розоватым сколом посередине кость, пораженный вытеснившим боль психологическим шоком, не в силах двинуться, не в состоянии даже просто закричать. Фашист, воспользовавшись этой паузой, быстро ухватил кусачками его средний палец, лицо все та же неподвижная маска, ни один мускул не дернулся, ни малейшей тени не промелькнуло, отражая отблеск хоть каких-нибудь чувств. Только теперь изик закричал, высоко и тонко, как преследуемый охот-

никами раненый заяц. Он попытался выдернуть руку из стального захвата кусачек, но Фашист был на чеку и вовремя пресек эту попытку коротким ударом в лицо.

– Вставай! – голос звучал спокойно и равнодушно, так буднично, что солдат даже на минуту смолк, захлебнувшись собственным криком, с недоверием заглядывая в глаза похитителя.

В глазах Фашиста стоял все тот же стылый лед полнейшей бесстрастности и безразличия, и, похоже, именно это, а не боль в искаленной руке, побудило изика медленно подняться на ноги. Он еще раз взглянул в лицо своему мучителю, силясь прочесть в этих закаменевших чертах хоть что-то, ухватить хоть какие-то эмоции, но вновь не преуспел. Фашист был абсолютно, совершенно равнодушен – если понадобится, с легкостью отхватит еще один кусок плоти, потом еще и еще, так и будет обстругивать человека, будто чиня ломкий карандаш, без гнева и злости, без жалости и сочувствия. Именно та не укладывающаяся в мозгах цивилизованного человека простота и легкость, с которой его подвергли пытке, сломила характер пленника, заставила его подчиниться.

Фашист, поняв все по опущенным в землю глазам солдата, по покорно согнувшейся спине, жестом подозвал Абда-первого, кивнув на сочащийся темной кровью палец пленника, и отошел в сторону, пряча кусачки. Ливанец, без слов поняв распоряжение наемника, сноровисто перемотал кровоточащий обрубок стерильным бинтом и, не удержавшись, врезал изику хороший подзатыльник, что-то наставительно пробурчав по-арабски. Похоже, Абд сообразил, что с искаленной рукой пленник не сможет нести носилки со своим раненым товарищем, а значит эта почетная миссия теперь целиком и полностью в прямом смысле слова ложилась на плечи обоих ливанцев. Как тут было не возмутиться! Волк, удобно присевший на бугорке, видя, что инцидент исчерпан, с кряхтением поднялся на ноги, махнув Абду-второму рукой, пошли, мол. Тот легко, будто и не было всего несколько минут назад изматывающего бега на пределе человеческих сил, подхватился с земли и потрусил в их сторону, на бегу запихивая обратно в чехол бинокль и поправляя сбившиеся ремни снаряжения.

Тем временем Фашист ловко просунулся в проделанную в заборе дыру, каким-то чудом ухитрившись не зацепиться за торчащие по краям проволочные зубья. Миг, и он уже оказался на ливанской земле, суверенной и неприкосновенной для иностранных войск. Жаль только, что этот факт в настоящее время имел лишь психологическое значение. Вряд ли соображения о соблюдении международных договоров теперь, после всего происшедшего, удержат погоню на израильской территории. Где-то совсем недалеко за спиной грохотала канонада, выли в полете мины, тяжело бухали разрывы. Уже несколько минут как в работу минометной батареи начали явственно вклиниваться резко тявкающие танковые пушки и дробное стакатто крупнокалиберных пулеметов. Видно израильские военные, наконец, очухались и пытались по мере сил дать отпор обстреливающим их позиции агрессорам. Это было ожидаемо, и Волка ничуть не тревожило. Волновало его сейчас нечто другое. А именно пока еще далекое комариное пение мощных моторов, что все явственнее вплеталось в снарядный вой, делаясь громче, неся с собой нешуточную угрозу. К месту гибели патруля спешила тревожная бронегруппа, а до спасительной рощи за склоном крутого холма на ливанской территории, где их ждали машины, оставалось еще порядка трех километров. Пятнадцать минут бега, даже с учетом навьюченного боевому грузу, носилок с раненым и пересеченной местности. Всего пятнадцать минут. Но сейчас это было все равно, что бежать на другой конец континента. Этих пятнадцати минут у них не было. Чутьем не однажды травленного охотниками зверя Волк явственно это ощущал. А подобные предчувствия подводили его крайне редко, можно сказать никогда...

– Живей, живей, черти! – задыхаясь, хрипел он по-русски, вовсе не заботясь о том, понимает ли его кто-нибудь из группы кроме Фашиста, подталкивал кулаком в спину слишком медленно, по его мнению, перебирающего ногами изика.

И все чаще и чаще на бегу оглядывался назад, ожидая, что вот-вот из-за поворота дороги оставшегося далеко за спиной выметнется взбитое мощным протектором облако пыли, а сквозь него проглянет тупорылая морда головного "хаммера". Но пока погони пока видно не было. Звонкое пение моторов превратилось уже в ровный мерный гул, но самих машин все никак не появлялись в пределах видимости. Еще в какой-то момент Волку показалось, что он слышит далекий лязг гусениц. Танк? Он вопросительно скосил глаза на Фашиста. Слышал ли тот? Напарник, поймав его взгляд, коротко подтверждающее кивнул. Танк это очень серьезно. Танк, это дальнобойная пушка, что при умелом наводчике лупит также точно, как снайперская винтовка, плюс пара крупнокалиберных пулеметов, что и без ее помощи могут разнести ожидающие их за холмом машины. Как ни хороши мощные американские джипы, что ждут их там, а переть на них напролом без дороги по пересеченной местности чистое безумие. А если по дороге, то очень скоро придется выскочить из-под прикрытия холма и примерно три километра нестись под прицелом танковой пушки и пулеметов. Три километра в таких условиях это невероятно много. Две-три минуты – четыре-пять пушечных выстрелов. Хотя, скорее всего, столько им не понадобится, стрелять изики за годы постоянных войн наострились неплохо. Ладно, об этом будем думать позже, сейчас главное добраться до спасительного холма, раньше, чем бронегруппа вылетит из-за поворота, иначе здесь в голом поле их перестреляют как зайцев, на выборку.

– Быстрей, уроды! Быстрей! Ну!

Перед глазами вспыхивают и гаснут разноцветные круги, мозг почти полностью отключился, не в силах выдерживать постоянный стон рвущихся в невозможном усилии мышц. Шаг, шаг, еще один... Мерно бухают об землю ботинки. Впереди качается пятнистая спина Абдавторого, грязно-белые разводы соли, темное пятно пота вдоль позвоночника. Влево, вправо... Шаг, шаг, еще один... Быстрее, быстрее... Хриплый, каркающий голос бьется в ушах, кто это кричит? Лишь спустя несколько секунд доходит, что кричит он сам, по инерции продолжая понукать и так отдающую последние силы группу. Вообще внешние раздражители воспринимаются все более тупо, мир заволакивает мутно-багровая пелена. Шаг, шаг, еще один... Земля под ногами вздыбливается, противится бьющим ее ботинками, выпрямляет согнутый хребет. Теперь приходится не столько бежать, сколько карабкаться вверх под невыносимым углом, цепляясь руками на редкие пучки травы, больно режущие пальцы. Шаг, шаг, еще один... уклон уже так резок, что он больше не бежит, а скорее ползет на четвереньках, руки теперь не изредка цепляются за траву, а тяжело впечатываются ладонями в жесткую потрескавшуюся от жары землю. Шаг, шаг, теперь руками, еще один шаг... Ходьба на руках, как в цирке... На миг ему становится дико смешно, но рассмеяться нет сил, пересохшее горло сводит судорогой, и наружу вылетает лишь сиплый хрип. Но вот почва неожиданно опять выравнивается и можно со стоном облегчения распрямиться, оглядываясь кругом. Они на вершине холма. Все-таки сделали это! Успели! Добрались!

Невольно все переходят на шаг, сами по себе, без какой-либо команды. Волк оглядывается назад, с высоты окидывая взглядом окрестности. Далеко позади, еще на израильской территории, разворачиваясь в боевой порядок, ползут по расстилающейся внизу равнине, корбочки бронетранспортеров и похожий отсюда не неповоротливого жука танк. Вот только эта неуклюжесть и неповоротливость обманчива, ох, как обманчива. Неожиданно длинный хобот танковой пушки начинает двигаться по кругу и точно упирается в них, прямо в то место, на котором находится группа.

– Ложись! Ложись, уроды! – истошно орет Волк, рывком за ворот валя в траву стоящего рядом изика.

Слишком поздно. Только сейчас он сообразил, что их фигуры застывшие на вершине холма отлично видны на фоне белесого полуденного неба и израильские солдаты наверняка

успели их засечь. Для прицельной стрельбы расстояние, конечно, великовато, но все равно, лишний раз рисоваться совсем ни к чему.

– Вниз, вниз, вместе с грузом, – рассерженным котом шипит Волк обоим Абдам.

Те, послушно ухватив носилки, умудряясь еще тычками и пинками подгонять второго изика, ползут за гребень холма, на его обратный скат, туда, где уже можно будет распрямиться в полный рост без риска быть обнаруженными. Туда, где надежно укрытые в тени оливковой рощи ожидают два гражданского вида джипа с мощными моторами, гарантия успешного отрыва. Сам Волк разворачивается в другую сторону, у них с напарником есть еще одно важное дело. Фашист юркой ящеркой скользит в высокой траве, выползая на гребень, туда, откуда лучше обзор, движется младший наемник легко и стремительно, будто и не было только что утомительного марш-броска. Волк завистливо вздыхает про себя, вот она молодость, хоть и сам вроде еще не старый дед и иному молодому сто очков вперед дать может, а нет уже прежней легкости, прежней пластики и выносливости мышц, нет, и не будет уже никогда. Эх, пора менять профессию, дядя Жень, пора переквалифицироваться в управдомы...

Добравшись до гребня холма, оба наемника, замерли надежно скрытые травой. Отсюда все маневры направленной в погоню бронегруппы были видны как на ладони. Нерешительно рыскающие переваливаясь на рыхлой следовой полосе бронетранспортеры, настороженно задравший башню танк, суетящиеся возле дыры в ограждении фигурки в зеленой полевой форме, кажущиеся отсюда вовсе нестрашными игрушечными солдатами.

– Скат! – хриплым шепотом, будто эти у забора могли его услышать, прокомментировал ситуацию Волк. – Не хотят вслед за нами лезть без прикрытия. Сейчас будут вертушки вызывать, запрашивать артиллерию...

– Вряд ли, – лениво тянет Фашист. – Это если бы мы просто патруль обнулили. А за заложников они жопу будут до последнего рвать... Что-что, а своих жида не бросают. Они же понимают, что если тянуть время, ждать прикрытия, то взять нас будет потом нереально. Так что верняком полезут внаглую...

– Спорим? – усмехается Волк.

– Бутылка виски, черной марки, против коробки сигар на твой выбор, – предлагает в ответ Фашист.

Волк еще минуту раздумывает, взвешивая равноценность предложенных заложков, и тут спор теряет смысл. Танк, еще выше задрав хобот пушки, тяжело взрывается мотором и подминая гусеницами проволоку, вкатывается на суверенную ливанскую территорию.

– Ну, что я говорил! – торжествующе заявил Фашист, насмешливо глянув в сторону напарника. – Жаль, что ты так туго соображаешь, сейчас я бы уже бутылку вискаря срубил на халяву. Эх, и тормоз ты, дядя Жень!

– Я не тормоз, я медленный газ, – беззлобно парировал Волк. – Чем старших подкалывать, смотри лучше, что они дальше делать будут.

– И смотреть нечего, – нарочито скучающим тоном отозвался молодой наемник. – В лоб за нами они не попрут, побоятся, мало ли что. Поэтому танк сейчас поползет на ту вон высотку сбоку, оттуда обзор лучше. И только потом остальная броня пойдет осторожно сюда, под его прикрытием. Мы же все так и рассчитывали...

– Ага, рассчитывали! Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Никогда не считай противника глупее себя, пока не убедишься в том, что он мертв. Слышал такое?

Фашист лишь обиженно шмыгнув носом, не считая нужным отвечать напарнику. Внизу на равнине тем временем все происходило в точности так, как он предсказывал. Приземистая "меркава" крутанув туда-сюда башней, словно приняв себя, медленно поползла влево, в сторону небольшого холма с плоской, будто срезанной гигантским ножом вершиной. Оттуда действительно окружающая местность смотрелась, как на ладони и лучшей позиции для прикрытия действий пехоты танкисты подобрать не могли. Гусеничные бронетранспортеры, клас-

сические американские М-113, знакомые любому служившему в Советской Армии по множеству пропагандистских фотографий из жизни вероятного противника, расходились широкой вилкой, обходя холм, где были замечены подозрительные фигуры с двух сторон, захватывая его в смертоносные клещи. В бинокль Волку хорошо были видны, стрелки по пояс высунувшиеся из люков, напряженно припавшие к торчащим над похожими на гигантские утюги бронированными коробками пулеметам. Сейчас танк вползет на господствующую высоту, изготовится задавить осколочными снарядами любое сопротивление беглецов, или их группы прикрытия. И тогда оба БТРа рванут вперед полным ходом, отсекая, засевших на холме диверсантов от ливанской территории, прижимая огнем к земле, вынуждая сдаться, спасая свои жизни, и значит, не давая террористам и пальцем прикоснуться к заложникам. А чуть позже подтянутся уже вызванные вертушки, прочешут район с воздуха, проверят, чтобы никто не ушел. А пехота сможет с победой вернуться домой, в пункт постоянной дислокации, завершив операцию возмездия и вырвав из грязных лап арабских экстремистов своих товарищей. Вот так все будет. По-крайней мере, они себе это так представляют.

– Смотри, смотри! Ключет! – возбужденно прошептал Фашист, от избытка чувств подталкивая товарища локтем. – А что я тебе говорил!

– Заткнись, сглазишь! – прошипел в ответ Волк.

Ему хотелось до конца выдержать образ невозмутимого старого ветерана, которого всякой ерундой не проймешь, но голос подвел, дрогнул, вплетая в нарочито грубую фразу звенящую азартную ноту. Еще бы! Сейчас в эту самую секунду решалось, смогут ли они унести отсюда ноги подобру-поздорову или придется-таки принимать заведомо неравный и проигрышный бой.

Танк, мерно покачиваясь на неровностях грунта, вползал на плоскую вершину холма. Вот он тяжело перевалился на ровную площадку будто срезанного ножом усеченного конуса и, выдав с кормы клуб сизого дыма, в нерешительности остановился, ощупывая пушкой соседний взгорок, на котором затаились наемники.

– Ну, еще чуть-чуть! Самую малость! Цып-цып-цып! Иди сюда, хороший мой! Иди! – похоже, сам себя не слыша, горячечно шептал прямо под ухом Фашист.

Волк поймал себя на том, что тоже мысленно пытается внушить мехводу замершей без движения бронированной громады мысль продвинуться чуть вперед. Ведь и в самом деле, оттуда и обзор лучше, и площадка там поровнее, поудобнее, лично видел вчера вечером. Так чего же ты ждешь, родной? Смелее, еще чуть вперед!

И словно повинувшись его молчаливой просьбе-приказу, невидимый механик-водитель тронул машину вперед. И тут же из-под днища ярким столбом плеснуло пламя. Танк, будто резиновый мячик, легко подпрыгнул в воздух, подлетев на несколько метров, а потом грузно осев вниз, так что содрогнулась земля. Грохот взрыва долетел до них чуть позже, одновременно с криком Фашиста:

– А, сука! Не нравится!

Молодой наемник даже попытался в азарте вскочить на ноги, размахивая руками, и если бы Волк вовремя не навалился ему на спину, наверняка выдал бы приближающимся БТРа их позицию.

– Ты чего? Совсем ошалел?! Лежи спокойно!

– Видал, дядя Женья! Видал?! Как я их просчитал, а?! – не унимался Фашист. – Я же тебе сразу сказал вчера, надо высотку минировать, мимо не пройдут! Помнишь, да?! Помнишь?!

– Помню, помню, – недовольно ворчал Волк. – Ты гений, великий полководец, Александр Македонский, мать твою! Уймись только, ради бога! Там еще два БТРа, или забыл?

– По хрену БТРа, дядя Женья! По хрену, я тебе говорю! Теперь они дальше не сунутся без саперов! Обосрутся, верняком обосрутся! Здесь же тоже закладки могут быть!

Радостно захлебывающегося Фашиста прервал еще один громовой раскат. Не стовариваясь, оба наемника посмотрели в сторону подорвавшегося на mine танка. Похоже сдетонировал-таки боекомплект бронированной машины. Корпус просел, будто вмявшись внутрь, из выбитых ударной волной люков щедро плеснуло пламя.

– Звиздец котенку, больше срать не будет! – радостно улыбнулся Фашист. – И заметь, из экипажа так никто наружу и не выбрался, а теперь уж точно всем звиздец. Полный!

– Полный звиздец! – смачно повторил он, помолчав несколько секунд.

Меж тем прогнозы Фашиста относительно дальнейшего развития событий начинали сбываться. 113-ые медленно отползали назад, стараясь двигаться по своим следам, похоже, перспектива нарваться на заранее подготовленное минное поле и разделить судьбу злосчастного экипажа танка доблестных воинов вовсе не прельщала. Что в принципе было совершенно неудивительно. Волк для себя прикинул, что случись подобное в свое время в родной Краснознаменной, вряд ли он сам, командуя бронегруппой, рискнул бы при таких обстоятельствах продолжать преследование. Скорее уж остановил бы своих орлов еще у забора, убоявшись возможных политических последствий нарушения границы. Так что изики в данном случае проявили себя мужественными и упорными бойцами и то, что удача в этот раз оказалось не на их стороне относится скорее к области пресловутого "военного счастья", чем к каким-то их просчетам и ошибкам. Молодцы в общем, до конца своих вырвать из лап террористов пытались. Просто не повезло... А вот им в очередной раз подфартило, ушли, опять ушли, прямо по грани, по лезвию, но все же. Как долго еще будет им улыбаться удача? Когда закончится отпущенный судьбой лимит? Эх, кабы знать, где упадешь, соломки подстелил бы...

Хотя праздновать победу еще рано. Изики, наверняка сейчас вызывают вертушки, и если у него есть желание невредимым добраться до Бинт-Джебейля, то следует поторапливаться. От вертолетов так легко не уйдешь. Единственный шанс, успеть выскочить из опасной зоны раньше, чем они нападут на след. Так что вперед, вперед, нечего расслаиваться. Дернув за рукав напарника, Волк аккуратно начал отползать с гребня высоты, на обратный скат, туда, где, невидимые для израильской бронегруппы, притаились мощные внедорожники, что домчат их до ближайшего укрепрайона "Хизбаллы" меньше чем за час. "Голубь" возвращается в голубятню, в точности выполнив все порученное, встречайте с фанфарами, и, главное, готовьте обещанные деньги, господа борцы за чистый ислам.

Сколько уже было таких возвращений, сколько еще ждет их впереди... Джихад не имеет конца, а значит без работы "Голубю" сидеть не придется. Аллах акбар! Воистину акбар!

Хроника событий:

12 июля, среда, день первый

• 08:45 – патруль Армии обороны Израиля (АОИ) в составе семи солдат на двух джипах "хаммер" под командованием Эхуда Гольдвасера выезжает на патрулирование границы.

• 09:01 – атака боевиков "Хизбаллы" на патруль в районе кибуца Зарьят (контрольная точка 105). Были похищены двое военнослужащих (Эльдар Регев и Эхуд Гольдвассер) 5-й резервистской пехотной бригады, трое погибли, двое получили ранения.

• Параллельно похищению "Хизбалла" подвергает миномётном обстрелу опорные пункты вдоль границы, 4 человека ранены (2 солдата и 2 гражданских). Сообщается о 22 ракетах, упавших на территории Израиля.

• 09:27 – комбат, ответственный за участок границы, на котором произошло похищение, вводит в действие план "Ганнибал" – автоматические действия СВО и ВВС в случае похищения солдат

• 09:33 – батальон открывает огонь по опорным пунктам "Хизбаллы" вдоль границы. Запрос комбата на артподдержку отклонён, по-видимому артиллерийская батарея, размещён-

ная в районе границы, была без расчётов. В бригаде предполагали, что батарея будет готова только к 18:00 (то есть 9 часов после похищения), реально батарея была готова через 7 часов.

- 09:39 – два боевых вертолётa прибыли в район размещения батальона.
- 09:45 – вертолётa сообщают, что они видят два горящих джипа.
- 10:03 – батальон сообщает в штаб бригады, что 2 солдата из состава патруля отсутствуют.

- 10:20 – премьер-министр Израиля Ольмерт извещён о похищении.

- 11:00 – танк роты "Алеф" 82-го батальона 7-й бригады выдвигается на господствующую высоту с ливанской стороны границы. При достижении позиции танк подрывается на фугасе, весь экипаж (4 человека) погибли. В ходе эвакуации танка от миномётного огня гибнет ещё один военнослужащий. Таким образом в этот день погибло 8 и было похищено 2 бойца АОИ, 4 солдата и 2 гражданских получили ранения.

- В рамках плана "Ганнибал" ВВС атакуют (план "ха-Меймад ха-Ревии" – "Четвёртое измерение") объекты "Хизбаллы" вдоль границы и объекты инфраструктуры, включая дороги и мосты, ведущие на север. Всего за этот день было атаковано более 36 различных целей, в том числе как минимум 3 моста через реку Литани и 2 через реку А-Захарани.

- В АОИ распространён план "Мей Мером" ("Небесные воды") – план общего наступления в Южном Ливане. План предусматривал массированное применение артиллерии и авиации по целям "Хизбаллы" с параллельной мобилизацией резерва, а затем – широкомасштабное наступление в Южном Ливане. План был опробован на учениях СВО в июне 2006 г., был выявлен ряд недостатков, после чего план был отправлен на доработку. На октябрь 2006 г. были запланированы новые учения, в случае успеха которых план должен был быть утверждён начальником генерального штаба АОИ.

- 12:50 – пресс-конференция премьер-министра Израиля Ольмерта. В ней он заявляет, что похищение – не просто теракт, а акт агрессии против Израиля со стороны соседнего государства (Ливана).

- 14:30 – совещание у министра обороны по дальнейшим действиям Израиля.

- 16:06 – совещание у начальника генерального штаба. Отдан приказ готовиться к атаке ракет большой дальности "Хизбаллы". Отвергнуты предложения о мобилизации резерва.

- 18:00 – совещание премьер-министра и министра обороны с руководством силовых ведомств.

- 20:00 – 2-х часовое заседание правительства в Тель-Авиве. Принято решение начать операцию против "Хизбаллы". Операция получила название "Сахар холем" ("Достойная плата" или "Достойное вознаграждение"), 13 июля её переименовали в "Шинуй кивун" ("Смена курса"). Для принятия срочных решений создан узкий кабинет министров в составе 7 человек: премьер-министра Эхуда Ольмерта, первого заместителя премьер-министра Шимона Переса, министра обороны Амира Переца, министра иностранных дел Ципи Ливни, заместителя премьер-министра и министра транспорта и безопасности на дорогах Шауля Мофаза, заместителя премьер-министра и министра промышленности, торговли и занятости Эли Ишая и министра внутренней безопасности Ави Дихтера.

- 22:30 – заседание узкого кабинета и принятие конкретных решений о ближайших целях операции.

- 23:59 – начало операции ВВС "Мишкаль Стули" ("Удельный вес"), по уничтожению арсенала ракет большой и средней дальности "Хизбаллы". 69-я эскадрилья ВВС ("Патишим"), вооружённая самолётами F-15I "Раам", нанесла удар по местам дислокации пусковых установок (ПУ) и складам боеприпасов. Уничтожены 40–44 ПУ из 50–59 имевшихся и сотни ракет. Налёт продолжался 34–39 минут. Сразу после этой операции ВВС начали операцию "Мишкаль Ноца" ("Вес пера") – уничтожение ПУ и складов ракет малой дальности ("катюш") в

Южном Ливане. Всего – несколько десятков объектов, малую часть от имевшегося арсенала таких ракет.

Шура Шварцман. Черный

Кофе исходил ароматом корицы и еще каких-то дразняще пряных специй. Правильный кофе, настоящий. Не та моча, что в третьесортных забегаловках зовется "Эспрессо" и заваривается путем простого заливания бурого порошка кипятком. А тот, который получается после размалывания на старинной ручной кофемолке аккуратно обжаренных зерен, доводится несколько раз почти до кипения в изящной обязательно медной турке, и лишь потом разливается по тонкостенным чашечкам китайского фарфора, сдобренный темным тростниковым сахаром. Мечта, а не кофе! В отпуске Шварцман пил только такой. И подавали его лишь в одном единственном месте. В маленькой кофейне, притулившейся через три квартала от его дома. Точнее не от его собственного дома, а от высоченной, вытянувшейся к небу свечки, на седьмом этаже которой помещалась его квартира. Назвать это жилье домом язык как-то не поворачивался. Дом это что-то живое, теплое, хранящее на себе отпечаток личности хозяина, а вовсе не отделанные по последнему слову евродизайна квадратные метры, на которых он появляется раз в год, когда выпадает отпуск. Холодные безликие стены, не несущие никакой информации о жилье, лишённые души и индивидуальности, будто казенный номер в гостинице.

Зато кофе в отпуске всегда был самым лучшим, сваренным по старинному берберскому рецепту специально для него, как для постоянного клиента заведения. Это становилось уже ритуалом, ежедневным священнодействием, которое ничто не могло отменить. С возрастом он начал особенно ценить такие вот маленькие радости, мелкие привычки и безобидные пунктики, собственноручно разработанные для себя любимого, позволяющие лишней раз уцепиться за стремительно превращающуюся просто в унылое существование жизнь. Этакая игра в эстетствующего аристократа. "Каждое утро мне просто необходимо выпить пару чашечек кофе по-берберски, даже не представляю себе, как можно начинать утро иначе", – так он порой говорил случайным знакомым, нарочито противным снобистским тоном, изящно отклячив в сторону мизинец правой руки с безупречным маникюром. Играл в аристократа, заполняя упражнениями в актерском мастерстве, столь желанную ранее беззаботную скуку отпуска. Случайные знакомые верили. Вот только себя не обманешь, не вытравишь память о тех многочисленных утрах, что начинались с глотка противно воняющей дезинфекционной таблеткой, теплой воды из фляги. Не забудешься до конца, играя в скучающего плейбоя, пусть даже на короткое время. Просто уже не можешь иначе, какая-то часть мозга, продолжающая помимо твоей воли жить в настроенном боевом режиме, не даст расслабиться, окончательно поверить в придуманную не столько для окружающих, сколько для самого себя красивую сказку. Он горько усмехнулся, только сейчас сообразив, что неосознанно сел в угол, лицом ко входу и так, чтобы за спиной была глухая стена. Намертво въевшаяся в плоть и кровь привычка сработала с неотвратимостью хорошо отлаженного спускового механизма. Какой уж тут образ скучающего светского льва? Откуда?

Но в отпуске все равно ужасно хотелось создать качественную иллюзию именно такой вот жизни, некий эрзац светскости, манер и лоска. Важной частью данного образа было это почти ритуальное кофепитие. Потому в любую погоду, в любом настроении, он каждое утро заходил сюда, в малопосещаемое в это время заведение всего на пять столиков, где за барной стойкой его ждала улыбчивая девушка в кружевной наколке. Каждый год разная, почему-то барменши здесь надолго не задерживались. Он церемонно здоровался, усаживался всегда за один и тот же столик в углу у огромного, как магазинная витрина, во всю стену окна. Сидел и смотрел на снующих за прозрачной преградой стекла людей, на мельтешащие туда-сюда машины, наблюдал людскую суету и радовался тому, что лично он не имеет к ней никакого отношения. Как рыба, сонно и равнодушно глядящая из аквариума, из-за прозрачной, но надежно отсекающей ее от остального мира пленки прозрачного стекла.

Затем девушка приносила ему кофе, грациозно сгибалась, выставляя на стол все положенные аксессуары, и он с удовольствием наблюдал за ее точными движениями, за изгибами облаченного в строгую униформу тела, вдыхал запах ее духов и собранных в целомудренный узел волос. Иногда улыбался мечтательно, задерживая взгляд на ее милостивом личике, и тогда юная барменша забавно краснела, торопясь сбежать обратно за стойку. Он ни разу не заговорил с ней. Только делая обычный изо дня в день повторяющийся заказ. К чему? Знакомство могло разрушить все очарование момента. Пусть лучше все остается так, как есть. С возрастом начинаешь ценить многие, казалось бы, простые и обыденные вещи, перестаешь стремиться к результату, предпочитая ему сам процесс. Для него сегодняшнего, умудренного опытом, уже не молодого, что говорить, гораздо приятнее было оставить ситуацию нераскрытой, полной полунамеков и тонкой игры: таинственный элегантный незнакомец, никогда не спешащий и, не моргнув глазом, ежедневно заказывающий самый дорогой напиток в заведении и сгорающая от любопытства молодая девушка... Нужно ли здесь продолжение? Да и какое? Пошлый роман-однодневка... Что вы, это все только испортит, пусть лучше останется легкий флер маленькой неразгаданной тайны, одиноко звенящая нота неизвестности и романтики в пульсирующем всего в метре за стеклом насквозь прагматичном мире. К тому же и походов таких осталось всего шесть. Шесть последних дней так быстро пролетевшего отпуска. В следующий раз он вернется сюда лишь через год. Если ему суждено вернуться вообще... Если будет куда возвращаться... И хоть это и грустно, но через год, его скорее всего будет встречать уже другая девушка. Она так же удивится его первому заказу, будет мучиться извечным женским любопытством несколько недель, и так же не решится с ним заговорить. И в ее памяти он тоже останется таинственным незнакомцем, человеком из загадочного и прекрасного мира. Что ж, пусть будет так...

Откинувшись на спинку стула, Шварцман специальной серебряной гильотинкой аккуратно срезал кончик кубинской сигары, предвкушая и оттягивая наслаждение, поднес ее к носу, вдохнул терпкий запах табака. Закрыв глаза, на секунду увидел, как ласковая океанская волна накатывается на песчаный пляж. Мелькнули под веками обворожительные мулатки, креолки, пиратские бригантины, ром и плантации сахарного тростника. Мечта! Мечта, которой ему никогда не увидеть воочию. Много чего уже никогда не увидеть и не испытать в этой жизни. Мир оказался слишком велик, и не в силах человека объять необъятное, слишком короток наш срок здесь, чтобы успеть все, о чем мечтают распаленными бессонными ночами мальчишки любой национальности, и любого цвета кожи. Он и так пережил наяву большую часть своих детских грез, тех, что на поверку оказались далеко не столь прекрасными, как виделось в те годы, когда мир был юным и простым, состоящим всего из двух красок: черной и белой. Так стоит ли жаловаться? Определенно нет. Ведь совсем недавно разменян четвертый десяток, жизнь всего лишь на полпути. Кое-что еще можно успеть. Нужно только плюнуть на все и перестать, наконец, таскать каштаны из огня для других, дать отдых постоянно обоженным и кровоточащим рукам, пусть дальше дерьмо разгребает кто-нибудь еще.

Он улыбнулся невесело и поднес к губам маленькую фарфоровую чашечку. Первый, самый вкусный глоток обжигающего ароматного напитка. Кофе должен быть горячим и сладким, как поцелуй женщины. Этой простой истине научил его старый араб Мустафа. Добрый и мудрый, чем-то неуловимо похожий на оживший вдруг персонаж из сказок "Тысячи и одной ночи", задержавшийся в нашем времени реликт глубокой старины. Тот самый, которому он собственноручно выстрелил в затылок, всего неделю спустя, после того, как они вдвоем пили кофе, занятые неторопливой беседой. Точно такой же как тот, что черной дегтярной волной плещется сейчас в его чашке... Кожу ладоней мерзко защипало, будто на нее вновь брызнули теплые капли крови и мозга. Старик даже не вскрикнул, он, скорее всего, вообще не понял, что с ним произошло. По-крайней мере Шварцману хотелось так думать. Вновь в коленях возникла эта постыдная зудящая слабость, совсем как тогда, когда палец лежал на спусковом крючке

направленного в затылок Мустафе пистолета и, казалось, не было в мире силы способной сдвинуть его с мертвой точки. Он тряхнул головой, отгоняя, налетающий морок, но добился лишь того, что перед глазами вновь, в который раз, встали убогие дома палестинского пригорода, окружившие центр трущобы. Те, где он прожил неделю. Палестинец среди палестинцев. Боец израильского специального подразделения "Дувдеван", волк в овечьей шкуре.

Никакого намека на военную форму – потертые джинсы, легкие куртки и повязанные вокруг шеи традиционные куфьи. Подержанная "субару" – битое ржавое ведро. Трое бойцов в самом сердце палестинской территории, трое евреев, выдающих себя за палестинцев. Трое против всех. Малейшая ошибка: случайно проскользнувший акцент, не к месту брошенное слово, неправильный жест и их просто разорвут на части. Спрятанные за пазухой пистолеты, в данном случае слишком слабая гарантия выживания, о ней даже не стоит лишний раз упоминать, разве что если повезет, кто-то может успеть застрелиться, не попасть в руки врагов живым. Не больше. Такая уж служба в "Дувдеван", такие задачи, силой никто сюда не тащил, наоборот отговаривали, как только могли. Не отговорили. Подразделение создано для обнаружения и нейтрализации боевиков "ХАМАС", "Исламского джихада" и других агрессивных организаций исламистов, в последнее время растущих словно грибы после дождя. Обнаружение и нейтрализация, лучше всего захват живьем, лишь на самый крайний случай ликвидация. Здесь это называют "выхватывание". Грамотно "выхваченный" деятель, дает расклад по всей известной ему части подполья арабских боевиков, наводя на следующие объекты. Те, в свою очередь на следующие, простая арифметическая прогрессия. Бойцы, неотличимые от обычных феллахов, колесят по палестинским деревушкам, смешиваются с общей арабской массой, растворяются в ней, ожидая своего часа, невидимые, неслышимые серые тени в любой момент готовые нанести точный удар. Боевики лишаются сна и покоя, опасность всегда рядом, она может исходить от кого угодно – от идущей по улице женщины, от чинящего велосипед паренька, от бродячего проповедника... Когда и от кого угодно. Принцип неотвратимости кары в действии, вот суть методов, что реализуют здесь бойцы "Дувдеван".

На окраине выжженного солнцем, забитого пылью маленького городишки Дженин в доме старого Мустафы поселились улыбчивые молодые студенты, приехавшие из самого Тель-Авива. Очень редкий случай – палестинцы, которые учатся в университете, почти невозможная диковина. Мустафа просто млел от общения с уважительно относящимися к нему, умными и предупредительными собеседниками. Да они еще и деньги за снятую в его хибаре комнату платили. При этом вели себя прилично, истово совершали все положенные мусульманам ритуалы, не пьянствовали, не водили развратных женщин. Вот она надежда Палестины, ее долгожданное сияющее заслуженным благоденствием будущее. Эти уж наверняка сумеют, действуя не только грубой силой, но и умом вернуть отнятые у обманутого народа земли, сумеют воссоздать единое палестинское государство. Особенно полюбился ему чернявый Шура, странное какое-то имя, сам говорит, что это прозвище, а товарищи при этом скалятся в белозубых улыбках. Ну да ладно, это их дело. Какая разница как кому хочется называться, не в этом суть. Суть в почтительном уважении, с которым слушает Шура старого Мустафу, и не показное это внимание, а самое, что ни на есть настоящее, очень дорого стоящее.

Бойцы "Дувдеван" прожили у старика девять дней, за это время цель операции была достигнута. Установлен контакт с боевиками из входящей в арафатовский ФАТХ группировки "Черные пантеры". Приманка – продажа оружия, автоматов Калашникова, якобы привезенных с собой псевдостудентами. В перспективе дальнейшее сотрудничество и более крупные партии. На Территориях оружие нужно всем, оно просто необходимо, как воздух. Без оружия ты никто и звать тебя никак, твой номер вечно девятый. Зато, если у тебя есть автомат, ты предельно уважаемая личность, с тобой считаются, стараются угодить, да просто боятся. С автоматом ты можешь вступить в любую из многочисленных группировок и иметь хороший заработок, сильно не перетруждаясь. В общем, как давно замечено, оружие дает своему вла-

дельцу силу и власть. На Территориях это вдвойне справедливо. Так что крючок, заброшенный группой "мистааравим", лжеарабами, беспроегрышен, какая-никакая рыбка обязательно дернет наживку. Но любая группа в этот раз не устраивает, охота идет адресно, только на "пантер". Потому проходит целых девять дней до первой поклевки.

Шварцмана остановили на улице. Юркий беспризорный мальчишка в грязных заношенных шортах и такой же замызганной майке внимательно смотрел в лицо быстрыми черными бусинками глаз, улыбался хитрой нагловатой улыбкой.

– С тобой хотят поговорить, уважаемый. Большие люди хотят тебя видеть по важному делу. Иди за мной, я тебя отведу.

Сердце глухо ухнуло в груди. Есть! Похоже на этот раз клюнуло, причем так, как обычно и клюет по-настоящему крупная рыба. Без дешевых понтов и наездов. Внешне он постарался не выказать ни малейшего волнения, отмахнувшись от малолетнего наглеца, как от надоедливой мухи. Но тот отставать не хотел, явно пообещали денег, если приведет нужного человека. Потому и старался стервец на все сто, шел следом, хватал за руку, настойчиво нудил себе под нос насчет "больших и важных людей".

– Если большие люди хотят со мной говорить, пусть приходят и говорят. Я ни от кого не прячусь, любой, если захочет, может меня найти, – равнодушно пожал плечами Шварцман. – Знаешь дом старого Мустафы? Вот передай важным людям, чтобы приходили туда, я с друзьями там остановился.

Однако так легко отделаться от настойчивого посланца не удавалось. Забегая вперед и искательно заглядывая в глаза, мальчишка продолжал канючить, постепенно переходя от просьб к угрозам:

– Очень важные люди, те, что борются с евреями, очень серьезные. Самые крутые в нашем районе. Их все здесь уважают и боятся. Если такие люди зовут, надо идти. Иначе сильно пожалеть потом можно.

– Ну и достал ты меня, малой! Откуда ты только взялся такой приставучий? – Шварцман остановился и демонстративно оттер ладонью выступивший на лбу пот, показывая этим жестом, насколько утомил его назойливый попутчик. – Ладно, уговорил. Веди к своим важным людям, да побыстрее, у меня дел сегодня еще не меряно.

Конечно, это было не самым безопасным вариантом дальнейшего развития событий. Отправляться неизвестно куда, на встречу с явными боевиками никого из своих ни о чем не предупредив, крайне рискованно. В результате подобного разговора можно просто исчезнуть бесследно, как уже неоднократно случалось с агентами здесь на Территориях. И даже останков твоих потом не найдут, чтобы предать земле должным образом. Хотя вот этот последний момент, если честно, волновал Александра Шварцмана очень мало. Ну не верил он в загробную жизнь, был убежденным атеистом и с презрением относился к любым посмертным процедурам, будь то православное отпевание, ритуальное прочтение Кадиша, или любые другие подобные заморочки. Но вообще-то пропасть безвестно и валяться в какой-нибудь вонючей выгребной яме все равно отчаянно не хотелось. Потому неторопливо топая за юным гонцом, усиленно изображая крайнее раздражение оттого, что вынужден нарушить четко распланированный день, Шварцман изрядно нервничал, обливаясь холодным потом, несмотря на жаркий день и нестерпимо яркое солнце, торчащее прямо в зените. Зародившейся внутри неуверенности способствовало и то, что в группе он был самым неопытным и для первоначальных переговоров с террористами подходил, прямо скажем, меньше остальных. Но тут уж не переиграешь, если выбор боевиков пал именно на него, приходилось играть роль до конца.

Мальчишка, безошибочно находя дорогу, петлял между глинобитными лачугами кварталов городской бедноты. Как он ориентировался в этом трущобном лабиринте, для Шварцмана оставалось загадкой. Несмотря на всю специальную подготовку, на затверженную наизусть перед заданием схему Дженина, лично он потерял направление уже давно и вряд ли смог бы

теперь самостоятельно найти дорогу обратно. Покосившиеся домишки, как две капли похожие один на другой, в полнейшем беспорядке громоздились с обеих сторон, а иногда вдруг ни с того ни с сего преграждали путь, будучи с легкой руки своих хозяев выстроены прямо посреди улицы. Однако провожатый шел уверенно, обходя все препятствия, и Шварцман, в конец отчаявшись запомнить дорогу, бездумно топал за ним все дальше и дальше погружаясь в этот многоярусный лабиринт.

– Вот! Люди ждут тебя здесь! Заходи! – наконец радостно блестя глазами, объявил маленький посланец, остановившись перед особенно невзрачной хибарой.

Внутри саманного домишки вела рассохшаяся деревянная дверь, болтавшаяся вместо петель на прибитом к косяку куске толстой резины с автомобильной камеры. Помявшись несколько секунд в нерешительности, Шварцман деликатно постучал пальцами по шершавым не струганным доскам. Внутри послышалось какое-то торопливое шевеление и явственно щелкнул спущенный не слишком таящейся рукой пистолетный предохранитель, потом зашаркали по земляному полу шаги. "Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, – нервно сглотнул Шварцман. – Здорово здесь гостей привечают, сразу заряженным стволом в морду тычут. Вот так зайдешь, а тебя рукояткой по кумполу без предупреждения. Эх, говорила мама, иди в институт сынок, сейчас был бы врачом, или инженером. Не жизнь, малина..." Нарисовать себе радужные перспективы врачебно-инженерного бытия, что по нелепой случайности его миновало, Шура до конца не успел. Дверь широко распахнулась и вынырнувшая из темноты постройке мускулистая рука, буквально втянула его внутрь.

– Салам алейкум, – воспитанно поздоровался Шварцман, щурясь после яркого солнечного света, и силясь разглядеть рассевишихся за грубым столом в дальнем конце квадратной комнаты людей.

Получалось откровенно плохо, внутренности домика освещало лишь узкое окошко под самым потолком, солнечный луч из которого падал точно в центр комнаты, ярким пятном выхватывая полосу утоптанного земляного пола. Все остальное пространство пряталось в густой тени, в которой угадывались лишь силуэты троих сидящих у приземистого стола. Еще один тяжело дышал прямо за плечом, но обернуться и посмотреть на него Шварцман не решился. Не стоило лишний раз злить "уважаемых" людей никчемным любопытством.

– Алейкум, ас-салам, – густым сильным голосом отозвался один из сидевших за столом.

Остальные ограничились приветственными кивками. Шварцман молча ждал продолжения, в конце концов, не он сам напрашивался на разговор, а его сюда привели, ну вот пусть и начинают первыми. Интерес-то у них имеется, не наоборот. Заодно пока и глаза к темени привыкнут, вовсе не помешает поподробнее рассмотреть и запомнить в лицо этих деятелей. Секунды летели мимо, четко отсчитывая лихорадочные удары сердца в груди. Трое за столом молчали. Теперь стало видно, что один из них глубокий старик, хоть лицо и замотано куфьей до самых глаз, но согбенную годами спину и иссохшие, иссеченные морщинами руки так просто не спрячешь. Двое других – мужчины среднего возраста, судя по всему, они здесь пешки, лиц своих не скрывают, сидят как статуи, ловят малейший жест старшего. Скопив глаза влево, он сумел рассмотреть и того, что втянул его в дом, здоровый, чертяка, чуть ли не на голову выше и значительно шире в плечах. Бритая голова, мясистые вывернутые наружу губы, сплюснутый широкий нос... Ба, да это же самый настоящий негр! Вот это да! Преступный интернационал в сборе. Ну теперь никаких сомнений, это именно те, кто нужен. По агентурной информации в группировку "пантер" входило значительное количество негров, выходцев из Судана и Марокко. Ключула рыбка, теперь еще бы подсесть качественно!

– Ты, тот, кого называют Шура? Студент из Тель-Авива? – снова тот же звучный насыщенный голос.

Теперь Шварцман разглядел, что говорит старик, и даже удивился, никогда бы не подумал, что эта дряхлая развалина может обладать столь сильно звучащим тембром.

– Да, – согласился он. – Друзья называют меня Шура, это прозвище. На самом деле меня зовут Саид-Мухаммад. Для краткости можно просто Саид. Я действительно учусь в университете. А в чем собственно дело?

– Шура – название высшего совета шариатского суда, – с великолепным презрением игнорируя вопрос Шварцмана, словно рассуждая вслух сам с собой, проговорил старик. – Откуда такое славное прозвище у студента?

Шварцман беззвучно выругался, вспоминая товарищей по группе, его русское имя казалось им настолько забавным, что они при каждом удобном случае пользовались им и здесь, на задании. На все его опасения опытные "мистааравим" со смехом отвечали, что такое дикое сочетание звуков не может вызвать никаких подозрений, никто в здравом уме не подумает, что это настоящее человеческое имя, да и запомнить вряд ли сможет. Вот, пожалуйста, доигрались! Еще какие-то странные ассоциации у палестинца по этому поводу вылезли. Но откуда он знает имя? Так его звали только в доме Мустафы... Выходит старик связан с этой группой, не зря им рекомендовали поселиться именно у него. Вот и косвенное доказательство того, что Мустафа на самом деле ведет двойную жизнь связника террористов. Но хватит об этом, сейчас надо срочно придумать какое-то не звучащее слишком уж нелепо объяснение странному прозвищу. Шариатский суд, надо же...

– Дело в том, – откашлявшись, чтобы выиграть время, начал Шварцман. – Дело в том, что мои друзья почему-то считают меня, несмотря на молодость, очень справедливым человеком и частенько обращаются ко мне для разрешения различных споров. Ну и пока недовольных моими решениями не было. Все признавали их правильными и разумными, прямо как решения шариатского суда. Отсюда и прозвище.

Сидящий напротив старика боевик, не сдержавшись, прыснул в кулак, но под строгим взглядом старшего, мгновенно осекся, натянув на лицо прежнее бесстрастное выражение.

"Что ты несешь, придурок! Это же полнейший бред!" – отчаянно вопил в мозгу внутренний голос. Но ничего более правдоподобного придумать с ходу не удалось. Ерунда, пусть хавают, что дают. Ты вообще не обязан им что-либо объяснять. Надо капельку наглее, ты же не знаешь, кто они, а значит, не должен бояться. Пока, по-крайней мере... Ну-ка, наедь на них слегка, посмотрим, что будет...

– А что это собственно за вопросы, уважаемые? У меня вообще-то на сегодня дел полно. Хоть и приятно с вами беседовать, но, к сожалению, время поджимает. Счастлив был познакомиться...

Шварцман развернулся, демонстрируя намерение выйти из саманной хибары, и тут же в лоб ему уперся пистолетный ствол. Причем старик, он готов был за это поручиться, никаких команд ни словом, ни жестом не отдавал. Выходит, роли расписаны заранее. Сжимавший пистолетную рукоять негр, смотрел равнодушно и чуть насмешливо, не проявляя ни малейшего волнения по поводу сложившейся ситуации, даже жвачку во рту перекачивать не перестал. Ствол держит умело, вот только чересчур уверен в себе, и явно недооценивает противника. Срез дула упирается в лоб, дистанция – метр. "Ах, с каким удовольствием, я сломал бы тебе сейчас граблю, ты даже пискнуть бы не успел!" – с сожалением подумал Шварцман, изо всех сил изображая предельный испуг. – Всего-то и надо, чуть повернуться, уходя с линии выстрела и слегка подсев поймать локоть на стандартный болевой через плечо. Пара секунд и ты, дорогой мой шимпанзенок, уже калека!" К сожалению, подобное развитие событий явно выходило за рамки продуманного на базе спектакля о трех студентах. Даже если допустить, что один из них случайно оказался знаком с костоломными приемами армейского рукопашного боя, все равно ничего хорошего не выходило, ведь оставались еще трое за столом, не будут же они спокойно наблюдать за тем, как он тут резвиться. Поэтому оставим идею наказывать наглого негритоса до лучших времен. А сейчас играем перепуганного маленького человечка, абсолютно беспомощного в сложившейся ситуации и до смерти боящегося злых дядек. Глав-

ное не переиграть, полнейший трус и явное ничтожество, контрабандой оружия заниматься не может, так что испуг должен быть строго дозированным.

Шварцман замер и медленно поднял руки на уровень плеч, демонстрируя врагу открытые ладони.

– Я все понял... Не надо угрожать мне оружием... Я все понял... Скажите ему, чтобы он убрал пушку... Видите, я же не сопротивляюсь... Ну, пусть он уберет ее...

– Убери оружие, Зуфар, не пугай нашего гостя, – в голосе старика явно проскальзывают нотки удовлетворения. – Он просто молод и от того слишком горяч, на самом деле он вовсе не хотел вести себя непочтительно. Я прав, Шура?

Шварцман быстро и мелко закивал, с готовностью подтверждая правоту боевика.

– Да-да, уважаемый, меня просто не так поняли... Я вовсе не хотел кого-нибудь оскорбить.

– Видишь, Зуфар, он уже раскаивается. Убери пистолет.

– Как прикажешь, Муммит, – равнодушно процедил негр, усиленно двигая нижней челюстью.

Ага, значит старшего зовут Муммит, прозвище, конечно. Но прозвище достаточно красноречивое, само за себя говорящее. По-арабски аль-Муммит означает – умертвляющий. Ну-ну...

Пистолет исчез так же неуловимо быстро, как и появился, Зуфару нельзя было отказать в проворстве и сноровке при обращении с оружием. Интересно потом будет потягаться. Шварцман криво улыбнулся и медленно опустил руки, разворачиваясь к сидящим за столом. Краем глаза успел уловить жест одного из боевиков, прячущего что-то за пазуху. Видимо тоже держал его на прицеле. Хорош бы он был, если бы не удержался и попытался заломать негра! С пуль в позвоночнике особо не повоюешь!

– Подойди ближе, садись с нами за стол. Будем говорить, – желтые ястребиные глаза старика смотрят внимательно, пытаются проникнуть в самую душу, прочесть спрятанные в глубине потаенные мысли.

Один из боевиков чуть подвинулся к стене, освобождая самый край грубой лавки, и Шварцман осторожно присел на нее, опасливо косясь в сторону предводителя бандитов. Тот вроде бы остался удовлетворен осмотром и даже как-то помягчел на вид.

– Я, и мои братья ведем священную борьбу за свободу палестинского народа, за возвращение принадлежащих ему земель, – начал он нараспев. – Борьба эта тяжела, требует больших жертв от каждого палестинца. Каждый, должен внести в нее свой посильный вклад, лишь тогда мы сможем изгнать нечестивцев из священного города и воссоединиться с нашими соотечественниками, отрезанными от нас чужой территорией. Лишь тогда для гонимого всеми народа настанет лучшая жизнь.

"Ага, пошли проповеди о священной войне, значит, сейчас будет давить на национальное самосознание, пытаюсь получить оружие даром, – сообразил Шварцман. – Что ж послушаем, время есть..." Старик действительно разорвался еще минут десять, расписывая обязанности каждого истинного мусульманина, перед лицом ведущегося здесь газавата. Шварцман, демонстрируя предельное внимание и сочувствие, разве что в рот ему не заглядывал, слушал внимательно, в подходящих местах кивал и поддакивал, выказывая полнейшее согласие с генеральной линией повествования. Убедившись окончательно, что студент полностью разделяет его мнение и готов всячески содействовать борьбе за свободу, Муммит, наконец, перешел к делу.

– Люди говорят, что ты и твои друзья привезли с собой оружие...

Шварцман никак не прореагировал на сказанное, не согласился, но и не опроверг, продолжая преданно тарашиться в ястребиные глаза старика. Тот усмехнулся про себя, и нервно постучав пальцами по столешнице, произнес с нажимом:

– Люди говорят, что оружие это – автоматы Калашникова, от пуль которых не спасают даже израильские бронежилеты. Решительные люди с таким оружием, могли бы принести много пользы. Плохо, когда оружие лежит без дела.

Шварцман вновь промолчал.

– Еще хуже, – с нажимом выговорил старик. – Когда люди, сами не желающие рисковать, не хотят поделиться все равно не нужным им оружием с теми, кто готов бороться за свободу с врагом. Такие люди сами становятся врагами.

– Вот как? – голос Шварцмана так и сочился ядовитым сарказмом. – Значит, люди сказали тебе, что мы привезли с собой автоматы?

Муммит подтверждающе кивнул, еще сильнее сощурился и без того узкие глаза. Не ожидал он от насмерть перепуганного студента таких речей, не ожидал. Теперь он силился понять, где же прокололся, что важное, дающее собеседнику возможность так с ним говорить, упустил из виду.

– Раз люди все так хорошо знают, наверное, они сказали и то, что каждый автомат будет стоить тебе двести долларов, так?

– Ты сам, палестинец, и хочешь нажиться на нашей общей борьбе? – голос старика приобрел опасную остроту бритвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.